

Дарья Тарасова

Горизонт забвения



18+

Дарья Тарасова

Горизонт забвения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66070828

SelfPub; 2021

Аннотация

Тя никогда не знала жизни за пределами общины в глубоком лесу. Рискуя всем, она сбегает в надежде изменить жизнь и встретить свою судьбу.

Дарья Тарасова

Горизонт забвения

Часть первая: Быть или исчезнуть

I День первый.

В темноте бежать по лесу было очень тяжело. По лицу постоянно хлестали ветки, щеки и лоб горели от ссадин, по лбу и подбородку уже текла кровь, застилая глаза. Я постоянно спотыкалась о корни деревьев и их поваленные ветром стволы, а мелкие опавшие ветки, шишки, да и вообще любые неровности, изодрали мои стопы сквозь тонкие тапочки. Привычка ходить босиком сейчас не спасала – в поселке было вытопанное десятками ног поле у домов и гладкая, песчаная дорога к реке и сараю.

Ноги устали от спешной дороги, плечи натер рюкзак, хотя в нем и не было ничего, кроме бутылки воды и сменной кофты, лёгкие разрывались от нехватки воздуха, но остановиться было нельзя, если за мной уже пустилась погоня, то спешка сейчас необходима. Надежда, что они проспят до самого утра, что, как и ожидалось, ночью пойдет дождь, и мои следы навсегда исчезнут, придавала мне сил.

Эта часть леса была совершенно новой для меня, неизведанной, так далеко я еще не заходила. С детства меня убеж-

дали, что за каждым деревом, под каждым кустом, в каждом ручейке обитало какое-то зло. Человек никогда и нигде не оставался один, возле него всегда кто-то живет. Этот кто-то обязательно должен быть злым.

Но, правда скорее в том, что самое большое зло осталось у меня за спиной.

Лес всегда был для нас царством мрака, где бок обок неразлучно существовали жажда жизни и ее полная противоположность. Переполненные червями пни, рухнувшие ветхие деревья, запахи разложения казались мне последними вздохами бьющейся из последних сил жизни. Я находилась в чаще нетронутого человеком леса, а это значило, что здесь постоянно что-то умирало, вокруг парили запахи тоски, а возвышенности и болота окутывала печаль. Порой, откуда не возьмись, пробивалась Луна. От ее брызг обильно разросшаяся растительность мгновенно приобретала мистический оттенок.

Сейчас, мчась в полном мраке сквозь дебри непроходимого леса, я ощущала, что смогу сделать все: вырваться из забвения, преодолеть десятки километров до ближайшего города и, наконец, вернуть ту жизнь, которую у меня отняли. Я впервые почувствовала себя по-настоящему живой. Каждый день почти двенадцать лет я вспоминала рассказы моей мамы о ее жизни до моего рождения. Мне хотелось попробовать вкус утреннего кофе, как обычный человек, хотелось, как и она в моем возрасте ходить на свидания, смотреть

фильмы и есть мороженное и сладкую вату. Но, каким-то злым роком, кто-то другой распорядился моей жизнью. Кто-то другой решил, что я должна вставать с рассветом и до заката работать в поле, ухаживая за тем, чего я не понимала.

Удивительное дело – прошлое, каким бы оно ни было, живет в тебе, незримо и спокойно ожидая того самого момента, когда будет можно всплыть на поверхность из мнимого небытия. Кажется, что его нет, что оно тебя покинуло. Но затем оно, как феникс, восставший из пепла, вспыхивает внутри с новой силой и буйством красок, звуков, движений.

Тем не менее, атмосфера леса и дикой природы не тяготила меня. Для меня он представлял огромное, волнующее, безбрежное море, которое поможет мне скрыться от прежней жизни, которое смоев всю боль и печаль из моего сознания и души. Какая-то неподвластная моему разуму сила правила всеми этими могучими стволами, всеми этими висящими мириадами листьев, всем этим гигантским миром. Здесь каждый миллиметр почвы был живой. Здесь повсюду копошились и сталкивались друг с другом всевозможные живые существа. Каждое животное занимало здесь свою нишу. Углубление, образовавшееся при падении дерева, служило пристанищем для диких свиней. В сырой низине у озера, где туман стоял и днем и ночью, жили олени. А на полянах, где смыкались сплошным непроглядным куполом деревья, вили гнезда и целыми днями пели птицы, которым был не страшен даже дождь.

Неожиданно правая нога уперлась во что – то твердое, и я упала на колени, уперевшись ладонями во что-то колючее и влажное. Голова кружилась так сильно, что казалось, будто земля и небо меняются местами. Из горла сам собой вырвался сдавленный, вымученный смех, напоминающий рыдания. Несколько секунд переведя дыхание, я села и огляделась. Позади меня оказалась черное пространство, куда не проникал ни свет, ни звук. Будто ветви деревьев расступились, что бы пропустить меня, а после сомкнулись, не давая дороги моим преследователям. Из этой черноты, я уверена, на меня смотрели глаза самой тьмы. Прислушаться не получилось, стук сердца в ушах перебивал все остальное.

Что-то внутри меня вдруг встало на место – ответ еще не был очевиден, он еще был далек от разгадки, но что-то в моем уме сдвинулось с мертвой точки. Я находилась в том месте, где должна быть. Я шла к той цели – от которой очень долго меня отговаривали.

Впереди же – огромная полная луна. Сама она где-то далеко-далеко, отдельно от всей этой брэнной суеты освещает Землю, помогая мне собрать разбросанные мысли воедино. Но каждая подмеченная подробность только все больше разводит их. Ночное светило и звезды будто помогали мне повернуть мой хитрый план, освещали дорогу. Я попыталась прислушаться еще раз, но кроме звенящей до боли тишины не было ничего. Наступило то самое время, когда вся природа до последней травинки замирает в ожидании первых сол-

нечных лучей, что бы пробудиться и постараться подставить под солнечные лучи свои вековые тела, жаждущие света.

Сейчас бледное с желтоватым отливом освещение сверху направляло меня. Тревожится сердце, предчувствуя что-то иное, чем красоту внешнего мира. Притихшая земля безлюдна, тени в ночи всегда фантастические, виднеющаяся до горизонта местность – будто должна быть скрытой. Весь мир тих, словно всего касается единое.

Вопреки надеждам я не вышла быстро к дороге и не встретила никаких машин. Мы и правда были заложниками леса.

Машинально проведя рукой по подбородку, я почувствовала легкую боль. Судорожно зажмурив глаза мне захотело вскрикнуть, но удалось сдержаться, что бы ни привлечь внимание. Когда снова получилось глубоко вздохнуть, я почувствовала на лице что-то мокрое, а на зеленом рукаве кофты осталась красная полоса. Пальцами я дотронулась до губ, но резкое жжение заставило отдернуть руку. Прижав к губам маленький хлопчатобумажный платочек, стало ясно, что кровь уже не шла, само заживет. Я снова огляделась, но теперь уже обдуманно. Ночная пора мистическая. Красота этого времени невидимая для человеческого глаза, так как скрыта за непроглядной чернотой. Ночь – волшебница, которая выпускает на волю, под видом фантазии, в свою тьму самых сказочных существ. Но уверенно ходит она по земле только до первой капли росы. Как только соберется первая капля на еще окутанном туманом подлеске, так сама цари-

ца-ночь медленно отступает.

II

Продолжить свой путь решила пешком, спать не хотелось. Я чувствовала, что силы уже на исходе, но тот факт, что у меня получилось сбежать и целые сутки уже быть в пути, придавали стимул продвигаться дальше. Ноги от усталости тряслись и подгибались, подниматься на небольшой холм было тяжелее с каждым шагом. Приходилось руками упираться в деревья и цепляться за ветки. Безумная аналогия всей моей жизни. Сейчас я так же цеплялась за последнюю соломинку, утопая в забвении. Чем выше приходилось подниматься, тем сложнее становилось дышать, будто высота этого холма не десятки метров, а километры. Я считала шаги до приближения к вершине, представляя то, что я могу увидеть за ним. Может быть большой город или дорогу с быстро едущими машинами типа тех, о которых я читала.

На хребте холма вид открылся неожиданный и поразительный. Небо держит безмятежную, полную луну, она ждет своего времени, она так же одинока, как и я. Как днем была освещена равнина и маленькое гладко-светлое озеро внизу, по поверхности которого взгляд разлетался до самого горизонта. В таком месте небо казалось нереально звездным, иссиня- черным. Сочно-темная даль неба с неопределенно-низкой границей размыто переходит в глубину озера,

столько же бездонного, как и летнее небо. А затем оно уносится ввысь вместе со звенящей тишиной неосязаемой белой дымкой, плавно переходя в облака на западе. Кажется, что я сама растекаюсь под лунными брызгами.

И ты всюду с этой луной: над темнотой тайн, над виднеющейся лунной дорожкой на поверхности озера, голубовато-серебристым инеем росы в низинах.

Летом луна низка над тёмной землёй и тёмными силуэтами деревьев.

Вся моя боль сейчас обесцвечена прикосновением тьмы.

И сейчас я боготворила за освещение лунной ночи, когда местность стала видимой таинственно, когда черное небо источает огромную прохладу, за россыпи далёких звёзд и под луною небо бесконечно близкое, под луною земля большая, волшебная, тёмная.

Умиротворяющая гармония ночи, шелеста травы, редких птичьих пролетов, перекликающихся сверчков, едва уловимое движение водной глади – все это было дыханием природы, проникающим в мое беспокойное сознание, израненную душу и вносящим в нее спокойствие и тепло, несмотря на темноту, но даже она была для меня светлой.

Есть какая-то торжественность в лунной ночи: запах низин окутывает холмы, и льющийся холодно-синий цвет от луны в мириадах точек молчаливо прикасается к спящей земле.

Решив смыть подступающий сон, мне пришлось спустить-

ся с пригорка в топкую сырую траву. Протянув руки к воде, я заметила их отражение в неподвижной водной глади. В нашей общине не было зеркал, а поток реки рядом был такой сильный, что своего отражения там увидеть не удавалось. Я приблизилась и осторожно, словно боясь спугнуть саму себя, познакомилась со своим лицом. К горлу мгновенно подступил ком. В воде отразились большие глаза небесно синего цвета, прямой, узкий, слегка курносый носик, украшенный брызгами солнечных веснушек и алые пухлые губы. От ночной прохлады щеки пылали румянцем. Вся эта красота была сейчас исполосована мелкими порезами. Я зачерпнула охапку ледяной воды и умылась. Все защипало. Холодные руки успокаивали горящее лицо, легкий ветерок действовал как анестезия, слегка охлаждая кожу. Руки стянуло от холода, они посинели, суставы пальцев затекли, на ладонях проступили следы от впившихся ногтей. Я присела на песчаном берегу и вытащила из – под кофты волосы, что бы переплести их в удобную косу. За мои девятнадцать лет меня ни разу не стригли, поэтому они были длинной до середины бедра и очень пышные, не сожжённые химическими шампунями и покрасками.

На противоположном берегу осторожно, будто прошупывая почву, к воде подошел олень. Он обнюхал пространство вокруг себя, подошел к самой кромке и склонился над озером, вытягивая свой блинный язык к воде. Его очень большие рога ветвистой короной плавно переходила в крону де-

ревьев. Шкура коричневого цвета с проседью, отражала сияние ночного светила. Он посмотрел прямо на меня и замер, что дало мне время сосчитать ветви на его рогах – их было двадцать семь. Одним быстрым движением это прекрасное существо скрылся из виду в густоте леса.

Мой путь дальше пролегал вдоль этого озера. Его мерцающая пелена слегка подергивалась рябью, отчего отражение луны колебалось, удлиняясь, пританцовывая и двигаясь в такт моим шагам.

Почувствовав на спине прохладное дыхание задремавшего леса, я накинула капюшон кофты, поправила пустой рюкзак, залезла руками в карманы поглубже и продолжила путь. Вокруг не было ни души, лишь вода, луна, звезды и лес. Бесконечный лес. Его магическая чернота притягивала. Казалось, что если засмотреться в нее, то можно потерять рассудок, так навсегда и остаться там всем сознанием.

Сейчас, успокоившись, я смогла прислушаться к звукам и почувствовать аромат леса. Не смотря на то, что община, где прошла вся моя сознательная жизнь, стояла на лесной поляне, этих ароматов ощущать не приходилось. Легкий ветерок приносил запах смолы из леса и цветов с озера. Ночь освежает рождающаяся отовсюду прохлада, которая проталкивает с низин запах росы и зелени. С другого берега был слышно кваканье лягушек. Шум камыша больше похож на шептание. Стало жутковато, поэтому, я решила поскорее идти дальше. Шелест деревьев будто пытался скинуть со своих верхушек

тяжелую луну.

Прямо за спиной в лесу ухнула сова, точнее, скорее это был скрип ветвей деревьев, который я принимала за крик совы с того момента, как впервые услышали его тем летом, и с тех пор с каждым разом убеждалась в том, что это именно сова.

Примерно половина ночи уже прошла, а значит, время уже перевалило за два часа. Рассвет наступал в половине шестого и обнаружить, что меня нет, могут в это же время. Если у меня правда есть такая фора, то они меня не найдут.

Справа, на границе леса снова раздалось громкое уханье совы. Я обернулась к лесу и некоторое время не могла разглядеть ничего кроме мрачных теней и фантастических тонких рук, тянущихся ко мне, пока глаза не привыкли. Вскоре удалось увидеть очертания деревьев и пней, колышущегося камыша и большие круглые гипнотические глаза, смотревшие прямо на меня. Я знала, что эти птицы хищники, поэтому поторопилась скрыться за деревьями. Уже из далека до меня донесся звук, при котором птица сорвалась с ветки. Над зеркальной поверхностью воды пролетел ночной хищник, чуть коснувшись пером глади, разбудив его.

Ночь начала отступать, сменяясь предрассветными сумерками. Небо на востоке светлеет. Вокруг царит сонная тишина. К этому моменту я смогла дойти до восточной окраины озера – дальше оно переходило в широкий, но неглубокий ручей. Когда все вокруг стало четко различимо, я пере-

шла на другой берег, пройдя небольшое расстояние по камням в воде. Вода здесь стала бирюзовой и успокаивающе шуршащей. Поток почти незаметно двигался по направлению моего движения.

III День второй

Ночь – самая мистическая пора. Она прячет под своим покрывалом всю красоту природы, окутывая луной тьмой целый мир, предоставляя невообразимые формы каждому живому существу. Важным шагом вместе со мной продвигалась и сама ночь. Она шла дальше, забирая с собой и темное покрывало, и сладкие объятия Морфея. А тем временем бледнеющее небо на горизонте и звезды одна за другой гасили свои огни. Ночь покидала эту долину и этот лес, но ждать ее снова совсем недолго – после жаркого дня опять наступит вечерняя пора.

На фоне черного неба массивной серебряной тенью высятся верхушки деревьев, широкие лесные просторы едва колышут пышные кроны, которые тоже уже давно находятся в объятиях сна. Словно на морских волнах качается силуэт луны в низком небе, до которого хотелось дотянуться рукой, и словно гребни этих волн разбивающихся о его лодку, когда мимо нее проплывают облака.

А когда же они совсем поглотят серебряное блюдце луны, тут то нарушится темнота ночи и начнет разгораться рассвет.

Так и стоит все, будто в глубокой задумчивости, и ничто не тревожит этого общего естественного сна.

Все- все слышно сейчас. С неба лился перламутровый свет раннего утра. Перед рассветом на черно – синем вдали небе проявляются белые тучи, к западу невесомые зеленоватые. И спешит уже сменить короткую июньскую ночь низкая слабая алая, в глубине своей красноватая заря. Линия горизонта расширяясь, приобретала голубой, небесный оттенок. Она уносила к себе землю в сумеречном освещении, и все словно двигалось к востоку. Луна поодаль в ярко-желтом мерцании прятала последние остатки летней ночи.

В воздухе стали появляться невесомые бабочки, с самыми разными окрасками, в высокой влажной траве застрекотали сверчки.

На высоком берегу, под тенью больших деревьев, росли кусты дикой малины. В тот миг, когда они попались мне на глаза, мой желудок непроизвольно напомнил мне о том, что надо поесть, иначе до своей цели мне не добраться. Я сбросила рюкзак на землю и, присев на колени, спешно начала накладывать в рот сладкой ягоды. Её вкус болью отозвался в моем животе. Острая, словно заточенный нож, волна прокапталась от желудка вверх, принеся с собой кислый привкус. С трудом сдержав тошноту, я вспомнила, что уже несколько дней толком не ела. До побега мне пришлось понести наказание за то, что не успела выполнить свою работу вовремя, а таких ленивых у нас в общине лишали еды, ее и так было

мало.

Сочная спелая ягода просто провалилась в желудок, оставив привкус сладости и легкую горечь. Из рюкзака я достала небольшую бутылку воды, и случайно выронила записную книжку моей мамы. Это была небольшая книжка с яркой, летящей бабочкой на обложке и потрепанным корешком, переклейным скотчем. Половины страниц в ней уже давно не было, а на тех, что остались, была единственная моя связь с цивилизацией – мамины наброски. Когда-то она была талантливой художницей, училась в художественной школе и рисовала афиши и плакаты для школьного художественного кружка. На одном из разворотов блокнота был большой рисунок дома, выполненный черным карандашом, где жила родная сестра моей матери – моя крёстная Мая.

Перед небольшим жилищем раскинулась лужайка с кустами каких-то цветов с крупными бутонами, усыпавшими все ветки. Мимо цветника вела тропинка из желтого кирпича, которая упиралась в аккуратное крыльцо из двух ступенек. Вдоль стены из трех окон, одетых в одинаковые створки, тянулась плетеная изгородь высотой не больше полуметра. Под самой крышей расположилось большое круглое окно, в которое легонько постукивала раскинувшая свои руки-ветки рябина. Ее красные ягодки привлекали птиц, которые часто будили всех обитателей дома.

Надеюсь, что она все еще живет там и обязательно поможет мне. Самую главную заранее переписанную информа-

цию я хранила в кармане кофты, на случай если моё мёртвое тело найдут спустя годы здесь, в дебрях леса, или когда высохнут эти болота.

Несколько глотков теплой воды комом осели в моем желудке, отчего есть захотелось еще сильнее. В невысокой траве у воды раздался легкий стрёкот. Знакомый звук – это был большой кузнечик. Тихо подкравшись, одним резким движением я смогла поймать его и, не раздумывая, засунула в рот. Это только в первый раз было мерзко, но когда несколько недель подряд нечего есть, быстро привыкаешь. Главное, пока жуёшь, не обращать внимания, что оно двигается.

В такие моменты я мысленно обращалась к кому – то незримому, задавая вопрос о том, насколько драматический оборот принимает моё путешествие. Хотя нас учат тому, что Бога допускает лишь единственную ценность существования – удовлетворить все потребности, в такой момент хочется верить, что кто-то всемогущий, незримый помогает. Облегчением для меня было надеяться, что за моей спиной меня поддерживает единственный родной человек – моя мама. Ее образ в легком летнем сарафане, с заплетенными в длинную французскую косу волосами периодически являлся мне в сложные периоды. Когда я болела – светлый силуэт приходил ко мне, ободряя. Конечно, все это было только моей фантазией, или последствиями недомогания из-за голода и переохлаждения, но я точно знала, что она за мной присматривает откуда – то сверху.

В таких обстоятельствах я совершенно забыла о том, что где то над моей головой есть небо. Такое же бесконечное, как и мои возможности сейчас. Такое же чарующее, манящее в него взлететь с этого холма. Именно сейчас, в чаще этого леса, в сердце трясины и зарослях камыша, дышать было особенно легко. Последствия не долеченной пневмонии, перенесенной мною полгода назад, сейчас напоминали о себе хрипом при вздохе и кашлем. После очередного такого приступа хотелось пить, но неизвестно, сколько еще придется идти до пресной воды, поэтому лучше растягивать. Я все же достала бутылку, сделала глоток и смочила горло, заглушив порывы. Желудок все сильнее заболел.

От усталости все мышцы туго натянулись, словно струны гитары. Голени обеих ног стали твердыми, словно каменные. Окровавленные колени пронзала боль, от каждого сгиба. Оторванные куски кожи цеплялись о штанину. С каждым шагом вглубь леса я все больше ощущала, что проваливаюсь в какой-то бездонный колодец из скрипучих сосен и колючей крапивы, из чавкающей болотистой почвы и муравейников. Я будто не продвигаюсь к спасению, а погружаюсь в чистилище. И нет никакой надежды покинуть это гробницу живой.

Заходит вечер – и природа начинает готовиться ко сну. Даже небо прячет свои краски под покровом ночной темноты. Землю все теснее окутывает вечерняя прохлада, а вместе с ней раскрывает свои широкие и нежные объятия старый сон. Природа, уставшая дремотой, в покое и мире медлен-

но затихает. Тем временем по земле уже уверенно начинает шагать сама ночь.

IV

Вниз по реке продвигаться было просто. Чаще всего берег был песчаный или с невысокой травой. Меня успокаивало то, что здесь нет вытоптанных тропинок или срубленных деревьев – значит, людей здесь не бывает. Теперь уже меня не окружала бескрайняя непроходимая чащоба. Наоборот, лес здесь будто рос ровными рядами, которые стройно, как на параде, уходили вдаль на сколько видно было глазу.

Впереди, не знаю на каком расстоянии, пролегал небольшой хребет, мне нужно добраться до него к ночи. Там откроется вид на всю низину вплоть до моего теперь уже бывшего дома. Если за мной будет погоня – я увижу людей с такой высоты.

В этот день опасения о том, что меня догонят, уже отступили. Не было в общине опытных следопытов или тех, кто уходил дальше пары километров от поселения. Что бы настроится на позитивный исход, я гнала от себя дурные мысли. Моя голова была занята визуализацией того, как тётя Мая меня встретит, как обрадуется мне.

Я брела по зарослям каких-то трав и кустарников, попутно осматривая их на съедобные ягоды. Перебирая одно дерево за другим, в очередной раз удача улыбнулась мне. Среди

крупных листьев росла яблоня, усеянная маленькими ароматными плодами. Сердце от радости забилось чаще. С упоением я впиалась зубами в красно-желтый плод, он показался мне самым вкусным из всего, что я ела в жизни. Проглотив несколько яблок, я наполнила полупустой рюкзак и продолжила путь.

В левом, насквозь промокшем тапочке хлюпала утренняя роса. Правая нога сильно замерзла и онемела, а по краю стопы уже сводила судорога. Моя теплая плюшевая кофта хорошо защищала от мелких насекомых, но уже не согревала. Видимо, этот озноб был вызван моей болезнью. Возможно это из-за моей чрезмерной худобы, или я уже простыла и понемногу начинаю бредить. За несколько дней до побега, как всегда в это время года, меня мучили симптомы от теплового удара. Его легко можно заработать в жаркий летний день, работая в поле, где я проводила по четырнадцать часов.

Воздух был душным. В это время года температура всегда поднималась за тридцать градусов, но мне все равно было холодно. Я посмотрела на свои израненные ладони – кожа на них истонченная, кровеносные сосуды просвечивали, отчего они были алого цвета, а ярко красные полосы сливаясь в паутину порезов.

Свет, проникающий через крону деревьев, будто переливался всеми цветами радуги. Песня диких птиц смешивалась с шумом журчащей воды и превращалась в арию свободы. Словно все они пытались через эти звуки поделиться со

мною своей силой.

Луна, чуть уменьшенная сбоку, вновь поднялась над бесконечной зеленой гладью леса. Верхушки деревьев будто пытались слегка пощекотать ночное светило или перекатить ближе к западу. Подниматься вверх пришлось опираясь на деревья, просто заставляя себя делать шаг за шагом. Я смотрела на свои ноги и просила их меня не подвести.

Долина с высоты птичьего полета была прекрасной. Убывающая луна над широкой, серебряной лентой речки будто смотрелась в зеркало, отчего ночной свет еще насыщеннее разливался по всему пространству. Деревья там, внизу, слегка пританцовывали, ритмично покачивались то вправо, то влево. Сине-черное небо было усеяно миллионом мерцающих брызг. Время уже, определенно, близилось к полуночи, костра внизу не было видно, а значит и погони, наверняка нет.

Даже примерно я не могла себе представить как много (или наоборот мало) я прошла. За сутки, не останавливаясь больше, чем на пять минут, наверняка, десять километров были позади.

Усталость взяла верх и, едва моя голова коснулась подушки, коей служил мне рюкзак с яблоками, я погрузилась в негу моих ночных кошмаров. Даже роса и холод летней ночи не могли мне помешать погасить измученное сознание. Перед тем, как отключится, точно помню, что желудок потребовал

еды, но было уже слишком поздно. Кто-то невероятно мягкий и долгожданный уже крепко обнял меня пеленой сладкой дрёмы.

Сквозь пелену сна в тишине летнего леса отовсюду доносился стук, будто кто-то предупреждал меня о том, что приближается. Нечто хмурое, размытое, безутешное, нечто более печальное, чем сама печаль. Какое – то далекое, безликое воспоминание, бесконечное волна.

Вот уже долгие годы ко мне возвращается один и тот же кошмар: на моих руках маленькое окровавленное тело отчаянно пытается задержать дух внутри, вдыхая не глубоко и часто. Его нежно синих глаз уже не видно, губки дрожат, а кулачки крепко сжаты. И вдруг тишина, тело обмякло и мне на плечо падает чья-то тяжелая рука.

Я просыпаюсь от испуга. По спине пробежал холодок, и он не от росы. Я осмотрелась по сторонам. Никого рядом не было, но моё плечо все еще помнило ужасающее прикосновение. Солнце уже высоко над горизонтом. Пора продолжить путь.

V День третий.

Утро было солнечным, кучевые облака в высоком небе плыли медленно и размерено. Некоторое время я наблюдала за сменой их форм, за их неспешным течением по безмятежной синеве, пытаюсь предугадать, во что они перевопло-

тятся. Казалось, они были настолько близко, что до них можно дотянуться рукой, что они вот-вот могут поцарапаться об острый пик ближайшей горы. Вот бы забраться на одну из них и пролететь остальной путь.

Листья на верхушках деревьев слегка пританцовывали в паутине золотистых лучей восхода, наполняя каждый уголок этого леса озорным настроением. Розовое зарево нового дня, исполосованное тонкими полосками вытянутых вдоль горизонта облаков, предвещало ветреную погоду.

Еще раз оглядевшись по сторонам я заметила маленькую бабочку на своём плече. Медленно, что – бы ее не спугнуть, я пересадила ее на свой палец и поднесла ближе к лицу. Бабочки, на мой взгляд, одни из самых замечательных и красивых созданий, они похожи на ожившие бутоны полевых цветов. Наверное, это первое существо, которое я помню из детства. И до сих пор в душе возникает трепет при виде маленького летящего, изящного, воздушного яркого чуда. Сейчас, можно провести аналогию между мной и ей. Как и гусеница, прорывающаяся сквозь кокон, я сейчас прорываюсь сквозь пелену лжи, которой меня окутывала годами.

Когда мне было лет восемь, моя мама поймала одну очень красивую бабочку в поле. Она принесла ее для меня в закрытых ладонях, где маленькое существо билось в истерике, ища выход. У нее были очень тонкие и нежные бархатные крылышки, покрытые ярким узором и мельчайшей пылью. Мы посадили ее в небольшую банку с одуванчиком и горст-

кой земли, проделали несколько маленьких дырок в крышки и любовались ею. Её тоненькие лапки цепко хватали цветок, тоненький хоботок набирал нектар. Это продолжалось недолго, когда бабочки перестают летать – то умирают.

Я протянула руку к солнцу и почувствовала кончиками пальцев его греющее тепло. Мне бы хотелось всем телом погрузиться в эти маленькие лучи как в теплое одеяло. Крошка сделала несколько усердных взмахов и, не спеша, упорхнула.

Спина начинала ужасно болеть в области груди и поясницы. Пытаясь встать, я уперлась коленями в опавшую прошлогоднюю листву, от чего штаны сразу промокли. За несколько дней в пути вся одежда уже оказалась насквозь пропитана росой, а в каждой складке налипла смола, мелкие веточки и иголки.

Поднявшись, я почувствовала ломоту во всем теле. Это состояние я могла соотнести с тем, что было у меня полгода назад, во время пневмонии. Дышать было сложно, будто кто – то крепко навалился на мою спину и сдавил легкие, голова закружилась так сильно, что, казалось, будто земля и небо поменялись местами, кашель не давал сделать вдох. Оперившись руками о дерево, у корней которого я провела эту ночь, я склонилась вниз от острого жжения в горле. В тот же миг рот и губы тоже обожгло, а голова будто взрывалась. Я очень надеюсь, что люди, если я все-таки дойду до них, окажут мне помощь, проявят заботу, которой прежде я не знала. В общине, где прошла большая часть моей жизни,

о ближнем никто не заботился. Людская жестокость поражала своей бескрайностью. Только из рассказов моей матери я знала, что в «том мире» существуют организации, которые заботятся об окружающих людях и животных. По ее рассказам все живущие в мире люди очень добрые и отзывчивые, стоит только попросить. Это шло в разрез с тем, что нам внушали в секте. Пока она была жива, то пыталась сохранить во мне эту веру в добрых людей и хорошие поступки. После ее ухода я каждый день находила подтверждение, что все зло этого мира собралось в одном месте.

К прежним симптомам добавилась еще и кровь из носа. Затыкать ее пришлось рукавом кофты. Я едва могла переставлять ноги, переваливаясь с одной на другую. Перед глазами все плыло и стало мутным. С порывом ветерка до меня донеслась сырость из болотистой низины. Легким шлейфом он коснулся моего горевшего пламенем лба и вернул, пусть ненадолго, мне четкость сознания. Я сбросила рюкзак со своими малочисленными пожитками, добралась до елей на верхушке холмика и оборвала с них крупные ветви. В низине, где от порывов ветра меня защищали два валуна, а мягкой периной стал густой мох, я обустроила себе постель. Я обессилила! Я чувствовала нескончаемую дрожь в коленях, они подгибались и словно стали мягкими. Коснувшись лицом влажной, холодной листвы забвение захватило моё сознание, и я вновь оказалась в своём маленьком круге ада.

VI

Во второй половине ночи зашелся дождик, переросший в остервенелый ливень. Сначала послышался легкий равномерный перестук, плавно перешедший в ленивую барабанную дробь, а затем в частый и ровный ритм. В эту ночь прошелся проливной дождь, сродни библейскому. Извергавшиеся потоки воды журчали как горные реки, омывающие камни на своем пути и заполняя теплой водой каждую канаву. Под тяжестью капель листья провисли, а по стволам стекали целые водопады. Бесконечное плотное полотно черного как смоль неба то и дело изрезала вспышка молнии, которая озаряла все вокруг. Это чудо природы будто пыталась выбраться из темницы. Раскаты оглушающего грома, эхом проносились по всему пространству бесконечного леса, отталкивались от гор далеко на западе и возвращались обратно. Ливень хлестал, будто с невыносимой злостью, но не приносил прохладу. Душный, затхлый воздух в низине сохранил запах гниющей с прошлого лета листвы.

Здесь, в диком лесу, жизнь состояла из противоречий: рядом существовали надежда и отчаяние, жизнь и смерть. Всем руководила одна цель, все живое знает, ради чего существует.

Всего на мгновение наступила звенящая тишина, а следом, словно спохватившись, задул резкий холодный ветер.

Ослепительная молния, растянувшаяся с востока на юг на сколько было видно глазу, вспорола небо будто остро заточенным лезвием. Следом, оглушительным пушечным выстрелом, яростно прогремел гром. С неба обрушилась еще более мощная лавина дождя.

В далеке на западе, на самом краю скалистого выступа стоял большой старый клён. Он стоял в стороне от остального леса, склонив свои руки – ветви в грустных думах, словно опечален тем, что вот – вот должно произойти. Все живое на короткое время затихло, будто предвкушая, на кого падет жребий.

В очередной раз небо озарило ветвистая жилка молнии, закончив свой короткий бег в кроне этого самого дерева. Всего доля секунды понадобилась, что бы пройти ей от зеленой шапки через толстый ствол к корню и завершить свой путь в черной сырой каменной почве. Могучее растение вспыхнуло как спичка, несмотря на то, что ливень уже тщательно смочил каждый листик. От ветра пламя колыхалось, то склоняясь вниз к самой земле, то вытягивая свою длинную руку к небу. Прошло несколько минут и под порывами дождя огонь стих, а пышная цветущая крона потеряла большую часть зелени.

Шум дождя успокаивал, помогая погружаться все глубже в забытье и расслабиться. Я продолжала слышать барабанную дробь дождя, изрядно стихшую, неторопливую.

Нарушаю всю умиротворенность, неожиданно, над моей

головой раздалось уханье совы. Резко вздернув голову вверх, я увидела усыпанное звездами небо. Внутри меня раздался то ли вздох, толи стон, а сердце будто упало в пустоту. За все время своего уединенного путешествия даже не было времени насладиться небом.

Непрерывно, одна за другой, продолжали вспыхивать молнии. Не утихая, гремела где-то в вышине небесная канонада. От всего этого необузданного великолепия живой природы сжималось сердце. В памяти от увиденного проснулся образ того, как в детстве, когда я боялась грозы, мама брала меня на руки и говорила, что молния – это возможность неба прикоснуться к земле. Гроза бушевала долго, по меньшей мере, несколько часов, хотя уже и свалилась куда – то на восток. Оборвалась она так же резко, как и началась.

Ночь стала уже не настолько темной, и можно было увидеть, как тучи разбежались и скрылись за горизонтом. С низины начал подниматься густой туман, скрывающий в своем плотном покрывале кустарники и цветы. Будто бы атмосфера какой – то старой сказки – тревожная и загадочная – заволокла душу.

Поёживаясь от холода под ветвями молодой ели, я ждала появление солнца. На востоке сквозь плотную пелену тумана проступала еле различимая розоватость. Рассвет принес с собой звенящую тишину. В считанные минуты дождливая ночь сменилась солнечным утром.

Все тело ломило от сырости и холода, я продрогла до ко-

стей и не смогла уснуть не на минуту. По моим предположениям идти нужно было еще пару дней, возможно чуть больше, если я не ошиблась с направлением. А вот что делать, когда я доберусь до цивилизации? Я не обдумывала свою историю. Что можно рассказать? Не сочтут ли меня соучастницей преступлений? Сейчас уже не имеет значение, только бы выжить...

VII День четвертый

Серая часовня покосилась на правый бок от старости и сырости. В дощатых стенах появилось много просветов, сквозь которые бессовестно вторгался лунный свет и осенний холод. Крыша, козырек которой украшал вырезанный из дерева крест с ажурной резьбой, сильно протекала. Если во время молитвы шел дождь, приходилось подставлять ведра. Я отчитывала минуты этой каторги считая капли. Никогда не понимала суть этого процесса. Для меня настоящая вера – это то, что в твоей душе.

На полу перед самодельным алтарем расположились три десятка человек. Уже почти час, сохраняя молчания, они изредка, как по команде склонялись в глубоком поклоне. Все одновременно, будто марионетке на невидимых нитях безумного кукловода. Все вокруг серое: прогнившая во всех смыслах святая обитель и одежда прихожан. Их лица потеряли все оттенки от недоедания и тяжелой работы, да-

же цвет глаз стал у всех одинаковый. Взгляд всех этих глаз отражал только усталость от этой жизни и желание покончить со всем происходящим. Маленький трепещущий огонек свечи содрогался и потрескивал, нарушая звенящую тишину.

Моё место было справа у стены. С годами доски иссохли, и я могла наблюдать сквозь них за восходящей луной. Глядя на людей в этом маленьком помещении, мне казалось, что это безнадежно одержимые люди. Все свои поступки и своё бездействие они оправдывали волей кого-то незримого. Они были готовы калечить себя ради того, что им казалось высшей целью. Самое ужасное, что калечили они не только себя. С каждым днем я убеждалась все больше, что каждый из них утратил рассудок, а вместе с ним и душу.

Коснувшись пола в последний раз, и сохраняя молчание, все направились к выходу, а за тем разошлись по своим малюсеньким лачугам. Часовня находилась в центре поселения, обеспечивая для каждого «верующего» равный доступ к вере.

В ту ночь мне было особо плохо. Голова горела, пульсируя в затылке и висках, меня бросало то в жар то в холод. По спине одновременно проносился и жаркий пот и озноб. Я долго вертелась, не могла найти удобное положение и скрыться от ломоты во всем теле. Глубоко вдыхая прохладный воздух, моё тело будто пыталось выдохнуть болезнь из себя. Все звуки за пределами комнаты перестали существовать, пока не объявился неожиданный гость. Мои метания

по мокрой от пота кровати прервал тихий шорох в дверном проеме. Приглядевшись в темноту, я увидела человека, но не обычного и не кого-то из общины. Он был огромный. В дверь он заглядывал присев на корточки, еле помещаясь в пространстве коридора. Его светящиеся неестественным светом бездонные глаза смотрели на меня. Движением руки он пригласил пойти с ним. Откинув одеяло, я почувствовала холод, пробежавший по вспотевшему телу и то, насколько сильно мое тело горело от недуга.

Мы вышли на улицу, обогнули несколько строений и направились к опушке леса. Этот великан был будто соткан из лунного света, его мышцы как кнуты были натянуты вдоль всего тела, пшеничного цвета волосы спускались на плечи и слегка подергиваясь от ветерка. Это огромное, но, в то же время, невесомое существо передвигалось бесшумно, делая своими ногами гигантские шаги, за которыми я не поспевала. Я знаю, все увиденное тогда было галлюцинацией, но ощущение того, что за мной присматривает кто-то, грело душу.

– Не беспокойся, все они спят крепко, я позаботился об этом – сказал он, увидев, что я оглядываюсь по сторонам.

– Кто ты и зачем здесь? – спросила я.

– Я нужен тебе сегодня, потому что ты готова сломаться, а тебе нельзя. Помни, о чем ты должна рассказать другим! – он слегка улыбнулся, и на его бледном лице алые губы растянулись алой лентой.

За разговором мы незаметно приблизились к реке, несшей свои бурные воды мимо застывшей зеленой лагуны, над которой уже расстелился густой туман. Поле, такое пустынное и голое, окаймлялось где-то на горизонте полосой зелени.

Жар прошел и теперь все тело бил озноб.

Я знала, что он хочет мне показать. Самое ужасное место на свете. Небольшую поляну с восемнадцатью могилами маленьких детей общины. Это и без того жуткое место было оцеплено колючей проволокой, не давая родным приблизиться и поощрять свои страдания.

– Я не забуду о них – заверила я нового друга.

Я подошла к колючей изгороди и положила руки на железные шипы. Как любой выживший в массовой бойне я видела себя в том, что осталась жива. Это моя вина, думал я. Моя вина Я с силой вжимала острие заточенных иголок в свои ладони, сжимала до тех пор, пока кровь не начинала сочиться между пальцами.

Яркий солнечный луч пробежался по моим закрытым векам на рассвете. Солнце палило нещадно, потоки воздуха начинали парить. Я проснулась среди тех могил, вдалеке от своего дома. Это все было только сном? Нигде поблизости дружелюбного великана не оказалось, а вот рассерженный отец уже бежал ко мне. В один прыжок он пересек ручей, и оказался рядом со мной. Далее все по отработанной схеме: замах, удар по лицу до треска костей, и за волосы меня та-

щат обратно к дому.

VIII День пятый

Шорох сломанной ветки выдернул меня из девятого круга ада. Я приоткрыла глаза, но долгое время не могла понять, где нахожусь. Густой, как парное молоко, туман заволок все вокруг. Его невесомые волокнистые руки пронизывали каждую ветку дерева, обволакивали каждый ствол и каждый камень. Сквозь белесое полотно четко различимо серое ярло солнца.

От земли исходил запах болота и это зловоние уже начало парить, предрекая душный день. Если туман поднимется вверх, то есть надежда на прохладный дождь.

Легкое движение рядом с моим лицом вернуло меня в реальность. В полуметре от меня сидел маленький ёжик. Его маленький носик слегка подергивался, глазки бусинки были устремлены прямо на меня. Я шевельнулась, чем заставила это маленькое существо свернуться колючим клубочком.

Ломота во всем теле не прошла, а лишь спустилась на ноги. Все тело изнемогало от усталости, холода и сырости.

Я поднялась на ноги и осмотрела себя – одежда была безумно грязная, полупрозрачная кожа на кистях рук исполосована паутиной порезов, колени на штанах надорвались и сквозь них проглядывали бледно синие костяшки. Живот сводило судорогой, а в горле стоял кислый привкус.

Я поднялась на холм и на время потеряла дар речи. Перед моими глазами открылась самая невероятная картина: безмятежно спокойная гладь зеркально чистой воды, в которой как в зеркале отражалось небо, холмы с цветущими кустарниками, кустами рябины, которые как маленькие бусинки подергивались на легком ветерке. Вдоль кромки леса, откуда я вышла, пролегал песчаный пологий берег.

Когда я приблизилась к воде, мое отражение меня там уже поджидало, но было не таким как в первый день.

Через лоб проходила длинная багровая полоса сеченой раны, волосы, пшеничного цвета от природы, сейчас приобрели оттенок грязной земли, отовсюду из них торчали листочки, веточки и даже смола. Мои губы побелели, лицо припухло и потеряло румянец.

Проверив температуру воды и, как не странно, она была вполне приемлемой, я распустила свою косу, сняла одежду и погрузилась с головой под воду. Она все же оказалась холоднее, чем показалось сначала, но сейчас это служило обезболивающим. Не выныривая, я промыла волосы, обтерла руки и тело, дотрагиваться до которого было все-таки больно.

Из глубины солнце казалось ярким переливистым шаром, лучи его золотой паутиной просачивались, нежно лаская подводный мир. Я расслабилась и позволила воде меня вытолкнуть на поверхность. Еще какое – то время, сохраняя спокойствие, легко покачиваясь на волнах, меня придвинуло

ближе к берегу.

Безумное чувство голода вынудило пойти на крайние меры. Я нашла рыхлую землю и начала копать толстой веткой. Достаточно легко было найти несколько дождевых червей, промыть их в воде озера и съесть вприкуску с корнем лопуха. Главное в этот момент не думать о том, что ты ешь, а представлять какое-то другое, вкусное блюдо. Для меня это была запечённая на костре молодая картошка. Блюда вкуснее для меня не существовало.

На протяжении долгих лет традиционным блюдом в общине считали суп из одуванчиков. Это не хитрое блюдо ели каждый вечер, перед сном. Нас убеждали, что такой легкий ужин способствует легкому засыпанию и глубокому сну. Изредка в суп можно было добавить грибы, ягоды или другие травы.

Находясь, возможно, во многих километрах от какой бы то ни было цивилизации я стала терять надежду, добраться до конечной цели своего путешествия казалось невозможным. Оставалась надежда на то, что все лишения и тяготы прежней жизни достаточно хорошо меня подготовили, что бы вынести этот «крестовый поход».

IX

Весь последующий день я посветила абстрактному миру

мысли и фантазии своих одиноких будней, где компанию мне составляли лишь вымышленные друзья и изредка пролетающие мимо птицы.

Спустя пару часов продвижения вдоль озера солнце поднялось достаточно высоко и беспощадно жгло. Я прикрыла голову своей старой футболкой, смочив ее в прохладной воде. Это помогло совсем не надолго, вода испарилась, и глаза стал жечь пот со лба.

К моей радости из-за кустов за очередным поворотом показался вытянутый песчаный берег, выступающий далеко в озеро золотистой косой.

Я сняла свои рваные тряпочные тапочки и оставила их в тени большого валуна у самой кромки леса, одежду развесила рядом на ветки сухого дерева. Опасаться здесь было некого и я, не беспокоясь, что меня кто-нибудь увидит голой, прошла к изгибу пляжа и погрузилась в теплую воду с головой. Сквозь толщу воды солнце все равно тянулось ко мне своими тёплыми руками, переливающимися всеми цветами радуги. Вода была очень теплой, а легкое покачивание волн успокаивало и расслабляло.

На песчаном раскалённом пляже я немного задремала. За это время мои волосы и одежда успели подсохнуть, а солнце перевалить за зенит. Мой путь дальше пролегал через цветущее поле подсолнухов. Яркие желтые солнечные цветы устремили свои головы вверх. Я прошагала быстро все поле поперек и вышла у кустов какого – то кустарника, высокого

и цветущего лиловым цветом.

Я засмотрелась на этот кустарник и не заметила куда наступила. За резким щелчком последовал металлический скрежет и дикая боль в правой голени. Капкан крепко заключил мою ногу в свои объятия. Крик, вырвавшийся из моей груди, спугнул стаю птиц с ближайших деревьев, эхом разнесся во все стороны, и вернулся ко мне невообразимой болью. Перед глазами все стало очень мутным, вздох сделать оказалось почти невозможно, и я потеряла сознание.

Прохладные капли приятно прикасались к коже лица. Пока они вместе с моими слезами скользили по щекам и подбородку, я прислушивалась к голосу своего тела, которое истошно кричало о помощи. Я не удержалась и разрыдалась, вызывая к тому, в кого не особо верила, но просить милости больше было не у кого.

Сознание уже вернулось ко мне, но шевелиться было страшно. Нога от бедра онемела и жутко ныла. Какое-то время я не могла даже глубоко вздохнуть, боясь, что боль вернется.

Когда я открыла глаза, было уже темно, огромная, нависшая надо мной желтоватая луна, потерявшая свою четверть, хорошо освещала поле, меня и мою ловушку. Оглядев ногу и капкан стало ясно, что рана серьезная, и крови вытекло много. Бежевые штаны стали багрово – красные ниже колена. Я достала из рюкзака за спиной футболку, разорвала ее,

что получилось сделать легко, и перетянула бедро так туго, насколько хватило сил дрожащими руками. От этих движений боль вернулась, а с ней пришла дрожь и онемение во всем теле.

Пришлось взять себя в руки. Я четко осознавала, что кроме самой себя мне никто не поможет. Самое главное сейчас открыть этот капкан и вытащить ногу из этой дьявольской ловушки. Превозмогая боль, я оперлась на колено свободной ноги, перенесла вес на руки и поднялась быстрым рывком, от чего голова сильно закружилась, и равновесие получилось сохранить только удержавшись за дерево. Этот капкан был совсем маленький, видимо рассчитанный на лису. Можно сказать, что мне повезло, хотя для моего истощенного анорексичного тела это тоже было сильным ударом. Мы в общине пользовались такими, хотя и считали, что в лесных зверей переселяются души наших умерших близких. С другой стороны это означало, что люди могут быть где – то поблизости.

Я нашла небольшую палку, протолкнула ее в щель створок капкана и придавила его середину, отчего створки стали расходиться и ногу получилось вытащить из плена. Горячая кровь из раны продолжала течь тонкой струйкой по холодной коже в мой ботинок. Пришлось достать последнюю целую вещь из моего рюкзака – кофта из хлопка, которая осталась еще от моей мамы и была последней связью с ней. Я обмотала ею поврежденную голень, закрепив рукава тугим

узлом ближе к колену.

Несколько минут пришлось переводить дыхание и выждать когда боль отступит. Там, сидя на старом, гниющем, поваленном ветром дереве, я прокручивала в голове события последних дней, взвешивала то, насколько верное решение я приняла, отправившись в такой путь. И все-таки – нет! Я бы не повернула назад, не отказалась от этого опасного путешествия, не осталась дома умирать от голода и безнадёги. Все моё существование последние пятнадцать лет приводило меня сюда, не оставляя шансов ни на что другое.

Когда боль чуть отступила, я огляделась по сторонам. Следов человека, принесшего этот капкан, не было.

X День шестой

Правая нога онемела, ее изнутри будто тысячи маленьких иголок кололи. Продвигаться дальше пришлось на импровизированных костылях, которыми мне служили две толстые палки. Хотя я в основном просто прыгала на здоровой, от напряжения покалеченная нога безумно болела так, что хотелось выть. Дышать полной грудью невозможно.

До полудня удалось пройти совсем немного, голова кружилась, а в глазах все плыло. Земля проваливалась под ногами, образуя глубокие рытвины. Но я продолжала передвигаться вперед шаг за шагом, словно была неподвластна ярости небес, заливавших меня дождем. Сейчас всем мои мыс-

ли сконцентрировались только на том, как пройти еще один шаг, затем еще один.

Слезы застилали глаза, мне хотелось рыдать в полный голос, хотелось сдаться от отчаяния и вернуться в тот день в далеком детстве, когда за разбитую коленку мама прижимала меня к своей груди, брала на руки и успокаивала, говоря самые нежные слова на свете.

Этот день порадовал меня еще одной находкой. Среди цветочной поляны расположилась небольшая пасека. Пчел дома не было, поэтому я вытащила одну соту: из нее капал мед. Я отломил липкий кусочек и отправил его скорее в рот. И почувствовала изысканный, насыщенный богатый аромат. Мягкие шестигранники легко раздавились, и из них вытек драгоценный сочный нектар. Вкус был такой нежный и сладкий, что я внезапно почувствовала опьянение – будто хмель моментально растекся по всем внутренностям. В душе промелькнула надежда, что поблизости мог быть хозяин улья и капкана, но не было никого живого, на сколько было видно глазу.

Воск из сот послужил мне вместо пластыря. Я оторвала небольшой кусочек, разогрела его между ладоней и налепила на раны. Таким образом, в рану не подойдет инфекция и не наступит сепсис. Надеюсь.

Я продвигалась сквозь эту смертоносную гущу, как солдаты, которые преодолевают порог страха, когда приближаются к линии фронта. Чем дальше я продвигалась, тем чаще

начинали попадаться болота. Увязая в трясине, в этой зловонной жиже, изо всех сил пытаюсь не сгинуть здесь, я взывала к тому эфемерному шансу выбраться. Я обещала самой себе, что если смогу добраться и рассказать свою историю полиции, тем, кто сможет помочь, то обязательно и сама начну помогать другим.

Но что, если тот другой мир, совсем меня не примет? Мне уже знакомы истории, когда люди, которым повезло увидеть внешний мир, принимали решение вернуться, ведь законы там гораздо грубее. В общине все подчинялось первобытным законам: если ты ухаживаешь за своим урожаем, за животными на ферме, то зимой будет что есть и пить. У нас все было общее: обед и ужин, одежда и дом, мужа и жены.

Темно серые облака затянули все от одного края горизонта до другого. Солнце не было видно, поэтому я даже не могла представить который сейчас час. В лилово-черном небе над холмами полыхнуло. Недалеко от меня на листве уже всю пританцовывали маленькие капельки дождя. Я остановилась, присела на небольшой камень, и запрокинула голову назад. Прохладный дождь стекал по израненным щекам и шее, ветер обдувал открытые участки тела и понижал боль.

Задержавшись на несколько часов на окраине горной цепи, холодные тучи накрыли окрестности и принесли с собой ветер и еще более сильный дождь.

Мне хотелось плакать и сейчас эмоции взяли вверх. Я спрятала лицо в рукава и зарыдала, слезы затуманили гла-

за и, казалось, дождь в такт моим эмоциям тоже стал идти быстрее.

Неожиданно мои стенания прервал звук, который мне не с чем было сравнить. Громкий рык зверя, не спеша удаляющийся, покашливая на ходу. Я стала искать глазами, что бы это могло быть? Вдруг среди темного леса я увидела два красных глаза, уходящих в противоположном от меня направлении. Что за дикий зверь обитает здесь? Может быть один из тех монстров, которыми запугивают всех маленьких детей, что бы они не ходили в лес?

Пока я перебирала в голове все возможные варианты, чудовище выбралось на небольшой холм и позволило дневному свету раскрыть себя. Это оказалась большая машина темно серого цвета, с большими массивными колесами, испачканными грязью.

Я попыталась закричать и махать руками, обозначая свое местонахождение, но ничего не вышло. Мой, возможно единственный, шанс на спасение сейчас удалялся от меня.

Часть два. Я рядом

XI День седьмой.

Утренняя роса намочила кофту и пижамные штаны. Трава, на которой я лежала, стала очень холодной. Этой ночью сил почти не осталось, пришлось остановиться и прилечь под

старой елью. Я хотела не засыпать и как можно больше пройти за эту ночь, но глаза сами слипались. В прошлые ночи от страха и параной мне снилось, что меня догоняет мой самый большой кошмар. В эту ночь я впервые за долгие годы увидела дом моей тети Май. Это придало новых сил, не смотря на голод, усталость и израненные ноги.

Желудок сводила болезненная судорога, последний раз я ела вчера небольшую горсть ягод.

Солнце еле пробивалось через плотное покрывало ветвей. Было еще очень холодно и ноги в легких тапочках онемели. Не торопясь я смогла встать. Голова кружилась, в желудке началась тошнота. Я собралась с мыслями, вспомнила свой сон и направилась дальше по своему маршруту. Лес здесь был совершенно другим. Уже второй день я шла по протоптанной тропинке, значит люди уже не далеко. Надеюсь, вскоре я все же выйду к цивилизации, иначе здесь и останусь навсегда.

Каждый шорох за спиной пугал меня. Я все еще боюсь, что они смогут догнать. Здесь, так близко к городу, будет невероятно обидно попасться не тем. Надеюсь, что дождь три дня назад смыл все мои следы. Все эти дни я непрерывно оглядывалась, прислушивалась, нет ли погони. Все эти годы родители пугали меня дикими животными в лесу, способные целиком съесть человека, непроходимыми болотами, в которых тысячами гибли глупые люди, но ничего этого нет. Кроме белок и птиц мне только однажды встретились два моло-

дых лося, которые объедали кору дерева и собирали шишки с земли.

Все эти дни я продумывала каждое слово, которое скажу, когда встречу людей. Надеюсь, они смогут мне помочь.

На маленьком клочке бумаги, который я смогла найти в вещах моей матери, я записала самое главное: имена моих родных и тот адрес сестры моей матери, который я смогла найти. Даже если мой труп найдут через неделю, месяцы или годы пусть все знают, кто виноват.

Первые дни было очень больно ступать по земле. На тапочках была очень тонкая подошва, рассчитанная для дома, а не для походов. Поэтому, в первый же день я изранила стопы о мелкие ветки и корни деревьев. Но даже думать не хотелось о том, что бы остановится и дать отдых ногам. Убегать нужно было как можно дальше.

Все эти дни главным стимулом не бросить все была надежда встретить тётю Маю и сестру Кристину.

Размышления прервал какой-то шум. Я остановилась и прислушалась. Этот шум напоминал музыку, хотя и не похоже на то, что мне привычно слышать. Современной музыки я не знала, так как связь с миром была прервана в моем раннем детстве.

Я ускорила шаг, постепенно перешла на бег и эти звуки становились все сильнее.

Солнце светило мне прямо в глаза, обжигало мне лицо, ослепляло. Неделю я почти не ела и не пила, но эти звуки

музыки придали мне сил и вернули надежду. Я бежала изо всех сил и не заметила корней деревьев под ногами. Больно приземлившись на колени и ладони, все тело пронзила усталость, боль и резко закружилась голова. Я закрыла глаза и восстановила дыхание. Чувствую, как что-то теплое капает на руки сверху – это кровь из носа. Несколько бардовых капель вызвали тошноту. Желудок заболел еще сильнее и я пришла в себя, поднялась и направилась дальше, только шагом.

За небольшой проселочной дорогой, разделяющей лес и небольшой поселок, находился тот самый дом, откуда исторгалась звуки непонятной музыки.

Я толкнула входную дверь, и она легко поддалась, распахнувшись и ударив тяжелой ручкой о стену. Из комнаты сразу показался какой-то человек, разглядеть кто он было тяжело, в глазах все плыло и двоилось. В этот момент сон, которого я так настойчиво избегала последнее время, завладел моим сознанием. Последнее что я видела, как этот человек пытался подхватить меня.

XII

Отдаленный дребезжащий звон выдернул меня из глубокого сна. Я ощущала, что лежу на чем-то мягком, ноги, впервые за последние дни в сухости, и онемение от холода сменилось легким пощипыванием. Наверное, прошло совсем немного времени, потому что сил на то, что бы открыть глаза

или пошевелить хотя бы рукой все еще не было.

Сейчас было самое время прислушаться к своему состоянию: боли больше не ощущалось, только расслабленность во всем теле, дыхание было размеренное, но самое главное – мне было тепло и комфортно. Слегка шевельнув языком, я почувствовала во рту какой – то предмет, заходивший далеко в горло. На миг получилось приоткрыть глаза и единственное, что удалось увидеть, была только движущуюся тень чего – то. Закрыв глаза, до меня дошло, что это была тень от дерева, стоящего рядом с окном. Моргнув несколько раз, глаза все же привыкли к тусклому освещению. Я попыталась пошевелить головой, но оказалось, она чем то зафиксирована, а трубка в горле слегка сдвинув вызвала кашель.

Не успела я опомниться, как надо мной раздался приятный женский голос:

– Все хорошо, дорогая, не волнуйся, мы сейчас все уберем.

Взяв себя в руки, я приоткрыла глаза и осмотрела ее. Женщина, поправлявшая мне одеяло, на вид была не старше сорока лет, два тонких лучика морщин у ее глаз придавали взгляду добрые черты. Прямой нос и ярко вычерченные упрямые скулы охраняли покой и нежность ее темно карих глаз. А из-под белой шапочки с цветочным рисунком пробивались кудрявые локоны черного как смоль волоса. Никогда прежде я не видела людей с такой темной кожей. Все ее тело будто состояло из черного бархата, движения рук были

плавными, грациозными. Она, словно Королева безлунной Ночи, парила над полом.

Я протянула к ней свою руку, слегка дотронулась до ее горько-шоколадной кожи, все это мне казалось миражом. От контакта с другим живым существом по всему телу сразу разлетелся электрический разряд, вернувший мне все ощущения. Её нежные, горячие руки взяли мою руку. Пришедшее облегчение привело с собой слезы.

– О, детка, не волнуйся, мы тебе поможем, ты в безопасности! – сказала она голосом, похожим на успокаивающее журчание реки. – Сейчас подойдет твой доктор.

Теперь я могла осмотреться: небольшое пространство вокруг меня было огорожено синими шторами, справа от моей головы пищал аппарат, который отмерял пульс. Красная ниточка отображала равномерный стук, подсчитывая количество ударов в минуту – сейчас их тридцать четыре. Тонкая пластиковая рука капельницы спускалась к моей левой руке и обвивала запястье, на котором так же было несколько разноцветных браслетов.

Ноги были укрыты теплым пледом с рисунком в красную клетку, а мои старые грязные лохмотья сменились белой больничной сорочкой из хлопка. Вся эта обстановка внушала спокойствие, отчего меня снова потянуло в сон, которому я не смогла сопротивляться.

Теплый солнечный свет пригрел мою правую руку. Я попыталась пошевелить ногами, но тут же почувствовала, что правая нога закована в гипс. Поблизости раздался скрип, будто кто-то резко встал со старого кресла.

– Доброе утро! – этот нежный голос по-прежнему принадлежал той ласковой женщине. Её легкая рука скользнула по моему плечу вниз, попутно поправив волосы, раскинутые по моим плечам.

Когда глаза привыкли к яркому солнцу, обстановка в палате стала более понятной. Большое помещение было полностью в моем распоряжении. Панорамное окно открывало вид на город. Многоэтажные серые и черные конструкции тянулись в небо, будто пытаясь его поцарапать своими острыми крышами с длинными шпилями. Бурный поток разноцветных автомобилей пересекал все обозримые улицы города, огибал здания и исчезал за очередной бетонной конструкцией, а в небе, далеко на западе, шел на посадку самолет, оставляя за собой на синем небе борозду белой дымки.

– Как ты себя чувствуешь? – снова спросила она – Ты знаешь, где находишься?

– Я... – на секунду я будто забыла все слова и сама удивилась своему голосу – да, я знаю, что я в больнице.

– Меня зовут Камилла – продолжила женщина. – Я медсестра и твоя сиделка. А как зовут тебя?

– Меня зовут Тея.

– Какое потрясающее имя. Никогда не встречала людей с

таким.

– Сколько тебе лет, Тея?

– Девятнадцать. А как давно я здесь?

– Тебя привезли к нам почти одиннадцать дней назад. За это время много людей пытались навестить тебя, но мы пускаем только близких родственников, поэтому они только оставили тебе подарки и ушли.

– Подарки? – от удивления мой голос стал совсем чужим. Камилла указала жестом на гору мягких игрушек в дальнем углу комнаты на маленьком столике. – Это все принесли мне? Но почему?

– О твоём случае много говорят в новостях, люди хотят проявить участие.

В голове не укладывалось, что какие – то посторонние люди просто приносят мне вещи и хотят помочь. Это немыслимо.

– А ты можешь мне подать одну из игрушек? – попросила я ее.

– Конечно, как насчет розовой свинки?

– Пожалуй, нет!

– Зефирно – розовый единорог с радугой вместо хвоста?

– Приторно очень!

– Может быть ... Странная птичка со злобным взглядом?

– А есть кролик?

– Есть вот такая прелесть. – Камилла достала из кучи игрушек красивого бело-коричневого кролика с длинными

ушами.

– Какой красивый! Идеально подойдет.

ХІІІ

Спустя минут тридцать пришел врач. Когда я читала в книгах о врачах, мне они представлялись седыми, бородатыми стариками. Мой лечащий врач был очень молод, на вид не больше тридцати пяти лет, высокий, брюнет явно увлекающийся спортом в свободное время. Под рукавом правой руки, когда он записывал что-то в моей карте, мимолетно мелькнула татуировка. Он, как и я, бунтарь.

– Сейчас я хочу осмотреть твой живот – сказал он.

Не дожидаясь моего ответа, мужчина приступил к осмотру. Он отодвинул одеяло, а Камилла уже развязывала мою сорочку. Прикосновение его руки вызвало взрыв электрических импульсов по всему телу. Когда он аккуратно снимал повязку, я старалась не дышать, дабы не выдать свое смущенное состояние. Хотя, мои пылающие щеки, сдали меня в ту же секунду.

Под слоем марли и ваты на провалившемся внутрь животе расположился шов, больше напоминающий окровавленную сколопендру.

– Когда скорая тебя доставила, твой аппендицит уже был поврежден, пришлось срочно удалять его и чистить брюшную полость от токсинов. – Пояснил он, заметив, что я в ужа-

се от увиденного. – Не волнуйся, это не страшно, заживет до свадьбы.

Следом он осмотрел мою ногу и распорядился сменить раствор в капельнице.

– Странно, что со сломанной ногой ты еще так долго смогла идти. Видимо болевой шок был слишком сильный.

– Так она сломана? – Переспросила я. – Я считала, что она пробита этим капканом.

– Да. – ответил доктор, глубоко вздохнув. – Нога была проломлена, пробиты мышцы. Ты очень сильная девушка. Другой бы с такой травмой не выжил.

На некоторое время меня оставили одну, после того, как Камилла помогла мне помыться.

– Я никогда раньше не принимала душ! – с восторгом поделилась я своим впечатлением. – У нас в общине была только баня. Такие удобства нам и не снились.

Солнце уже скрылось за изгородью высоток, а оранжевое небо на западе прорезано тающей стрелой взлетающего самолета. В офисных зданиях окна погасли, а в жилых высотках наоборот зажглись. Не могу принять образ жизни людей в каменных джунглях. Прийти на работу с рассветом, уйти с закатом. Ужасная, наверное, жизнь.

Мой размышления прервал стук в дверь.

– Привет, Тея! – звонкий голос гостьи стал для меня неожиданностью. Это была женщина очень пышных форм,

таких я раньше не видела. Перешагнув порог палаты, она заполнила собой всю комнату, а ее не детское верещание перебывало все остальные звуки. Долго она рассказывала о том, что организация «Добрые сердцем», в которой она состоит волонтером, помогает женщинам, попавшим в беду, и они готовы помочь мне. Меня поржало, что эта отзывчивость сегодня встречается почти во всех, с кем я общалась.

Оставив мне визитку, веселое облачко покинуло палату, едва не застряв в дверном проеме.

Следом за запахом сладкого парфюма и кисловатого пота ко мне вошла женщина с большим куском пирога, слои в котором были разного цвета, а пропитка из розового сиропа. На самой верхушке располагалась красная роза – марципан.

– Здравствуй, Тея. Меня зовут Алиса. Я лежу в соседней палате. – проговорила она, не отрывая глаз от тарелки.

– Здравствуйте.

– Сегодня у меня день рождения, и большой торт одной мне не осилить, поможешь?

– С удовольствием.

Это лакомство не показалось настоящим чудом. Нежный бисквит истекал пропиткой, стоило только на него надавить. Он таял во рту, оставляя нежный ванильно-апельсиновый привкус.

– Это самое вкусное, что я ела!

Еще немного посидев рядом со мной, соседка покинула меня, пожелав спокойной ночи и забрав пару понравивших-

ся игрушек в знак благодарности за торт и в честь ее праздника. Следом за ней, один за одним заходили другие пациенты и медсестры. Уже через пол часа на стуле у окна лежали несколько книг, среди которых была «Сто лет одиночества» Габриеля Гарсиа Маркеса, футболка с логотипом, призывающим спасти уссурийских тигров от вымирания, кеды, ярко красные с блестящими вставками впереди. Кажется, здесь это считается проявлением вежливости и заботы.

Медсестра во время обхода помогла включить телевизор, который оказался, по – сути, бесполезной коробкой. Вид из окна был более привлекательный. Поток машин был такой же сильный, как и днем, и огни от них сливались в бесконечную гирлянду. Черное лунное небо было почти без звезд, наверное, огни города поглощали их слабый свет.

Под кучей новой одежды я заметила небольшой сборник стихов известных авторов. Среди свеженапечатанных страниц вместо закладки лежала почтовая открытка с изображением Колизея. На обратной стороне аккуратным, красивым подчерком были выведены всего несколько слов: «У тебя всё будет хорошо».

Самое первое стихотворение меня не зацепило. Так же было и с третьим и четвертым. А вот на пятой странице я нашла то, что зацепила моё сердце.

В коридоре весь день было шумно, ходило много пациентов и медперсонал, сейчас не было совсем никого. Я решила хотя бы попытаться уснуть. Эмоций и впечатлений сего-

дня было через чур много, так что пришлось поворочаться. Кушетка с жестким матрасом было самое удобное, на чем я когда либо спала.

В эту ночь мой привычный кошмарный сон сменился на что-то иное.

XIV

Знаете это ощущение, когда на вас кто-то пристально смотрит? Из глубокого забвения меня вытащило именно оно. Я попыталась перевернуться на другой бок и скрыться от этого чувства, но не вышло.

Понемногу привыкнув к дневному свету, моё внимание снова привлек город. Меня одновременно радовала и пугала возможность жить в таком большом городе. В чем мне удастся найти свое призвание? Только бы меня не отправили заниматься сельским хозяйством, ненавижу капаться в земле.

Пройдя через все необходимые процедуры, капельницы и уколы, меня наконец-то оставили в покое. Медсестра сказала, что после обеда придет человек из социальной службы, а до этого нужно было подумать над тем, чем я хочу заниматься, выйдя отсюда и как мне в девятнадцать лет идти в школу.

Легкий стук раздался где-то за моей спиной. Обернувшись, я увидела стоящего в дверях моей палаты мужчину. Его внешний вид меня поразил. Темно русые волосы были аккуратно коротко подстрижены и на лбу открывали неболь-

шой шрам. Едва заметные морщины – лапки разлетались от его глаз, придавая солидность образу и доброту большим, выразительным, небесно – синим глазам. На правой скуле небольшой шрам, по форме напоминающий птицу в полете. Прямой нос казался не совсем естественный, не пропорционально аккуратным относительно всего лица. Пухлые губы обрамлены легкой щетиной, и сам собой в моей голове возник вывод неожиданный для меня – я бы хотела их поцеловать. Этот человек показался мне не реальным, будто очередная галлюцинация вышла из моего подсознания.

– Добрый день! – сказал он, переступив погод палаты. Его голос электрическим разрядом пронесся у меня по телу.

– Здравствуйте. – услышав свой голос со стороны я поняла, что речь от морфина стала странной, замедленной, и каждое слово, лишённое всякого смысла, жалило мозг как маленькая оса.

– Меня зовут Марк, я бы хотел с тобой поговорить о том, что с тобой случилось.

Из внутреннего кармана пальто он достал удостоверение сотрудника каких-то правоохранительных органов и большую черную записную книжку.

– Хорошо, только со мной уже говорили полицейские, социальные службы, от прокурора приходили люди...

– Я знаю. – прервал меня он. – Я из другой структуры.

– Итак. Ты вышла из леса двенадцатого июня, а что было до этого?

– Я почти неделю шла по лесу...

– Нет. – резко сказал он, повысив тон. – С самого начала.

– Это очень долго.

– Я не тороплюсь.

– Хорошо. Я родилась в общине и не покидала ее ни разу прежде. Как в этом проклятом месте оказалась моя мама я не знаю. Она была единственным моим родственником, но умерла, когда мне было восемь. Я жила в доме, где жили одиночки. Люди приходили, уходили, рождались и умирали, только я оставалась.

– Почему ты не ушла? Тебя держали силой?

– Нам внушали, что за пределами нашей поляны все люди превратились в чудовищ. Всех интересуют только деньги и секс, ни нравственности, ни морали, ни веры в Бога. Он грозил, что не примет нас обратно, если мы уйдем.

– Теперь точнее расскажи, кто этот «ОН»?

– Роберт – руководитель нашего «Дома». Главный. Отец. Его по-разному называют. Большую часть людей он туда привел.

– Можешь его описать внешне? Есть особые приметы?

Я призадумалась, пытаясь вытащить из глубин памяти воспоминание, которое отчаянно пыталась стереть.

– У него были черные волосы, смуглая кожа, карие глаза. Нет особых примет. Да и я не общалась никогда с ним близко.

– А почему все же ушла?

– За день до побега он сказал, что хочет, что бы его сын на мне женился.

– А ты замуж не хочешь. – с ухмылкой произнес мужчина.

– Его сын родился от его сводной сестры. У него много тяжелых отклонений. Лучше смерть в лесу от голода, чем замуж за такое.

– И тогда ты сбежала?

– Я ушла стирать к реке, как обычно, и, переплыв на другой берег, бежала. Долго, пока силы окончательно не покинули. Не уверена, шёл ли кто за мной.

– Ты сможешь точно указать, где эта община?

– Я все время шла на восток. Не знаю какое расстояние. Там широкая река и большая поляна.

– Под такое описание ничего не подходит. На картах вся та местность, откуда ты могла прийти сплошные заросли. Эта территория – заповедник и охраняется государством. Там просто не может быть поселения.

– Что? – в моей голове возник нескончаемый поток вопросов. Как это все возможно?

– У Роберта, или кого-то еще в этой секте, была машина?

На какое то время я перестала слушать, о чем говорит мой собеседник.

– Тея! – его громкий голос вернул меня в реальность.

– Я не знаю. Я никогда не видела ничего такого.

– Сколько еще людей живет там? – продолжил он беседу, все больше и больше походившую на допрос.

– Около ста.

– Ты должна описать более конкретные приметы.

То, что он говорил дальше, уже слабо доносилось до меня. Глубоко в груди появилось чувство сдавленности, резко переросшее в удушье. Воздуха стало не хватать катастрофически и я потеряла сознание. Еще какое-то время я слышала голоса врачей, которых становилось все больше ощущала, как мне делают уколы и, последним был слабый низкочастотный писк.

XV

Этот резкий приступ был для него неожиданностью, хотя, его было уже сложно чем – то удивить и, уж тем более, напугать. Дикие зеленые глаза с золотыми крапинками, которыми она смотрела на него исподлобья, заполнились слезами, а затем закатились глубоко вверх. Глубокий выдох, последовавший за этим, был громче крика в полной тишине, сопровождаемый низкочастотным писком кардиомонитора. Очень быстро на это отреагировала бригада медработников. Несколько человек, общаясь исключительно медицинскими терминами, приступили к реанимации. Сначала укол вазопрессина, никак не повлиявший на состояние девушки, затем адреналин прямо в сердце в сочетании с новокаином.

Еще какое-то время он наблюдал, как ей оказывают помощь. Ему хотелось убедиться, что она останется жива или

что-то внутри просто держало рядом?

Из своего опыта он знал, что реанимация уже затягивается. Сердце не реагирует ни на укол адреналина, ни на дефибриллятор. Бледная тонкая левая рука девушки свесилась с больничной койки и вздрагивала от импульса электрического разряда раз за разом. После очередного удара ее лицо с приоткрытыми глазами и тонкой светлой прядкой волос, небрежно упавшей поперек, повернулось к нему. Это зрелище задело в нем ранее не известные ему струны. Впервые, за долгие годы, в нем проснулось сострадание.

Наконец – то раздался легкий всхлип и все успокоились. Ее снова перевели в реанимацию.

Уже сидя в машине, Марк снова повторил весь разговор с Теей. Ее тонкий, хриплый голос эхом звучал в его голове. Она производила впечатление раненого, загнанного в угол зверя. Он вспомнил, как когда-то в детстве, он с отцом поймал в клетку-капкан маленького лисенка с такими же зелеными глазами. Зверёнок скалился и не подпускал никого к себе. Как и она.

Никакой новой информации не появилось. Девчонка будто взялась из пустоты. Не было никаких документов на нее. Лишь свидетельство о рождении ее матери и медицинская карта, к которой двадцать лет не прикасались. Еще много месяцев уйдет на то, что бы социальные работники оформили ей самое необходимое. Эта волокита всегда его бесила.

Криминалисты в лесу у дома, где ее нашли, тоже ничего не

обнаружили, и он решил осмотреться там сам. Уже не первый раз на этих чертовых экспертов не было никакой надежды. Если не сделать самому – то никто не сделает – так его приучил наставник с самого начала карьеры.

Путь в пригород, к самой окраине цивилизации, был долгий. Из головы не выходил образ бездыханной девушки. Что-то незнакомое осталось в нем после разговора с ней. Его профессия за долгие годы выработала в нем устойчивое сопротивление к разного рода состраданию, так что это чувство было новым.

Когда Марк приехал на место, там оказалось людно. Журналисты и просто любопытные приехали со всех ближайших городов и пытались разгадать, как именно спаслась Тея. Проехав чуть дальше, Марк остановился вблизи дома, где и нашли девушку. Большой кирпичный дом с надувным бассейном и плетеной декоративной изгородью так же привлекал внимание туристов. Но охрана и собаки бойцовской породы отгоняли непрошенных гостей.

Мужчина давно договаривался встретиться с хозяином, но специально тянул до разговора с девушкой. Этот человек был не менее загадочным персонажем. Огромный дом, в котором он жил, был построен за два месяца. Кроме горничных, повара и садовника, нанятых в очень дорогом частном агентстве, которое строго соблюдает конфиденциальность, в доме не было никого. Официально хозяин работал в агентстве аудита, не получал наследства, не имел дополнительно-

го дохода. На какие средства был построен особняк оставалось загадкой.

Дверь открыла горничная экзотической внешности, со смуглой кожей и пирсингом в носу. Нельзя было не отметить и идеальную фигуру этой особы, идеальные пропорции и глубокое декольте явно обеспечивали ей регулярные премии.

Вежливо пригласив его войти и расположиться в мрачной гостиной, женщина предложила напитки и удалилась. Атмосфера напоминала склеп. В прихожей, коридоре и самой гостиной было очень тусклое освещение. Комната, обставленная изысканной кожаной мебелью, создавала впечатление, что находишься в логове маньяка. Тлеющий камин единственное, что привлекало внимание. Он прошел к окну, из которого открывался вид на тот самый лес.

– Добрый день! – раздался голос где-то за спиной Марка. – Извините, что заставил ждать.

Это был мужчина с сильной проседью, высокий, с четко вычерченными скулами, напоминающий аристократа – преподавателя. Он явно презрительно относился ко всем, кто стоял ниже него на социальной лестнице.

– Добрый день. Я не займу много вашего времени. Только скажите, когда девушка появилась в вашем доме, вы не видели поблизости кого-нибудь еще?

– Как я уже рассказывал... – хозяин дома снял очки с оправой от Армани и протер их платком из своего кармана,

сделав томительный перерыв. – Нашла ее моя горничная, она подняла истошный вопль и, от увиденного, потеряла сознание. На крик сбежалась вся остальная обслуга. Дальше вы знаете.

После того, как Марк задал мужчине еще несколько стандартных вопросов, он направился к лесу и толпе зевак.

Обычный подлесок. Молодые деревья, вперемешку с дикими травами. Всё вокруг вытоптано полчищами зевак. Местные жители жаловались в полицию, что это им мешает, но арестовывать такое количество людей никто не мог.

Он взял фонарик из машины, переобулся в удобные кроссовки, закатал рукава рубашки и, сняв галстук, пробрался поглубже в чащу. Через сотню метров следы толпы исчезли. Так далеко никто не заходил.

Его не покидала только одна мысль: Как так долго она смогла выживать в диком лесу? Что-то здесь явно не сходилось. При поступлении в больницу эта девчонка весила двадцать семь килограмм при росте сто шестьдесят семь сантиметров. Явное изнеможение. Как она могла вообще идти?

Напоследок, окинув взглядом все вокруг, он заметил небольшой обрывок тряпки. Он очень похож на кусок от ее штанов. Это все равно его не убедило. Ее могли высадить совсем рядом, последние метры она могла пройти пешком. Но следов от машины нигде не было. Да и вряд ли машина смогла бы пройти в таком густом лесу. По картам из кадастрового отдела города было видно, что еще пол километра и

начинаются торфяные топи. Тот факт, что она не сгнула в них тоже породил уйму вопросов.

Вернувшись в машину, Марк достал папу с личным делом Теи и всеми материалами. А ведь нет никаких записей о том, что на ее левой руке есть родимое пятно в форме звезды. Такие особые приметы медики должны подробно описывать. Подняв глаза к зеркалу заднего вида, Марк поймал себя на мысли, что ухмылка у него на лице не к добру. Слишком сильно он увлекся этим делом. Встряхнув головой он еще раз пробежался по материалу. Зацепок нет. Пройти дальше на эту территорию невозможно – она частная. Если только получится с вертолета просмотреть эту непроходимую топь. Сплошные болота да озера. По ее приключениям можно будет книги писать.

Время было уже за полночь когда телефон снова зазвонил. Номер был стационарный, это без сомнения были из больницы, где лежала Тея. Тревога за состояние девушки снова накатила и это чувство уже его откровенно настораживало.

– За сегодняшний день у Теи было три остановки сердца. – Доложил врач.

– Все обошлось? – После этой новости Марк почувствовал явное волнение за совершенно постороннего человека.

– Да, она сейчас стабильна, но на несколько дней вернулась в реанимацию. Вы сегодня довели ее до сильного стресса, а там не далеко и до инсульта, с ее состоянием шутить опасно.

– Я считал, что она идет на поправку, разве вы не собирались ее выписывать?

– Нет, у нее критический вес.

– Из-за чего вообще случился этот приступ? – поинтересовался Марк, боясь того, что виноват все-таки он.

– Если вдаваться в подробности то... У нас две нервные системы: симпатическая и парасимпатическая. Все жизненные функции основаны на балансе этих двух структур: сердцебиение, артериальное давление, дыхание. Сильный стресс способен нарушить равновесие и привести к катастрофическим последствиям. Так бывает, например, когда кто-то теряет сознание при виде крови или неожиданной новости. Эмоциональный шок вызывает дисбаланс двух нервных систем и провоцирует расширение сосудов. И человек тут же падает в обморок. А в случаи с этим пациентом, еще и останавливается сердце.

– Хорошо, спасибо, если снова будут изменения, сообщите мне, пожалуйста.

Волнение за девушку было для Марка совершенно новым чувством. За все годы работы в убойных отделах, с особо тяжкими преступлениями, похищениями и террористами сделали так, что он не чувствовал ничего. Ни радости, ни горя. Хотя раньше все было иначе. Раньше он мог рыдать над делом об убитом ребенке или радоваться находке пропавшего без вести. Но с годами все, что можно назвать душой, сначала было разбито на мелкие кусочки, а позже все кусочки

вырвали из его груди. Постоянная боль сменилась равнодушием и апатией. Работала только логика. Но эта тощая девчонка разбудило то, что он годами убивал в себе. Его пугало это чувство.

После того как ее увезли из палаты в реанимацию, на столике рядом с койкой лежали салфетки с рисунками, один из которых он забрал себе. Маленькое изображение вида города из ее окна. Очень красиво. Марка поразило то, как она смогла наполнить этот черный город красками, хоть и зарисовка была черно-белой. По дороге он решил заехать в магазин для творчества и купить блокнот для зарисовок и набор маркеров для скетчей в подарок. В его голове возник образ художницы, которой она могла бы стать. Сидя на высоком стуле перед панорамным окном с видом на океан, она бы рисовала на холсте яркими красками, облаченная в белую мужскую рубашку, на несколько размеров больше. Закатанные до локтя рукава оголяли бы ее изящные руки, широко расстегнутый ворот открывал плечи и грудь, на которые ниспадали чуть выющиеся волосы, а длинные пальцы ловко обхватывали кисти, которые она закручивала в свои длинные золотые волосы.

Нет, эта девчонка точно не доведет до добра.

XVI

Дышать снова было больно. Грудь будто была сдавлена

чем-то тяжелым и кожа горела. Приоткрыв глаза, она словно попробовала солнечный свет на вкус. Комната была мрачной, задернутые шторы не пропускали свет от солнца, которое только поднималось, но уже припекало. Рядом располагались несколько других пациентов. Размеренные зеленые линии приборов отмеряли сердечные ритмы, напоминая всем, что они еще живы.

Поодаль, где – то далеко снаружи, слышался гул машин на скоростном шоссе, проходившем за моргом, и время от времени с гудком проносились поезда надземного метро.

Правой рукой, попытавшись дотянуться до лица, я тут же заметила прозрачную жилу и остановилась. К руке снова прикреплена капельница с мутным раствором. От движения кожу на груди зажгло. Приподняв рубашку, я сразу увидела ожоги от дефибриллятора, красные пятна на бледной тонкой коже. Тут же вернулись воспоминания. Нелепый разговор с этим мужчиной привел к ухудшению состояния.

Спустя несколько дней, вернувшись в обычную палату, медсестра сообщила, что пришел посетитель. Из всех возможных людей первым делом Тея подумала о том мужчине. Несмотря на последствия, она хотела бы снова его увидеть.

В палату вошла женщина. Точнее даже влетела. Она была невероятно стройной, легкой и грациозной. Наверное, именно так выглядят балерины, отдавшие многие годы жизни этому танцу.

Ее длинные белые волосы имели странный оттенок, только спустя время стало понятно, что это чистая седина с прядями каштановых волос.

– Дорогая моя, привет! – пропела она невероятно нежным голосом. – Я твоя тётя Мая.

Услышав это, я почувствовала огромное облегчение, и в то же время боль в груди вернулась.

– Тея! – снова привлекла внимание к себе моя гостья. – Ты так похожа на свою маму!

От этих слов на воспаленных глазах появились слезы.

– Ну что ты, дорогая. Не переживай. Скоро мы тебя домой заберем.

Последняя фраза принесла облегчение и волна слез усилилась. За все время в больнице я стойко держалась, подобно оловянному солдатику, не показывая своей слабости, но сейчас не смогла сдержаться. Теперь уже можно побыть слабой и беззащитной, когда рядом есть хоть кто-то. Этого облегчения я ждала всю свою жизнь, ведь даже при серьезной болезни позаботится о мне было некому.

– Мы тут тебе привезли кое-что, что принадлежало твоей маме. – Мая под села на край койки и приобняла меня за плечи. От ее прикосновения сразу захотелось расслабиться, почувствовать то самое тепло от другого человека. В руках женщины был небольшой бумажный пакет, внутри которого лежали несколько старых фотографии, уже пожелтевших. На первой были запечатлены две молодые девушки в красивых

сарафанах на фоне цветочной клумбы с небольшим фонтаном. В одной из девушек я узнала Маю, в другой с трудом признала свою маму.

– Сколько вам здесь лет? – спросила я, с трудом проглотив ком слез.

Мая перевернула фото и, приглядевшись, с трудом прочитала размытую надпись карандашом.

– Тысяча девятьсот семьдесят восьмой, значит мне – семнадцать лет, твоей маме – шестнадцать.

Следующее фото было еще старше, мама на ней была совсем ребенком, на вид не больше двенадцати.

От рассматривания фото меня отвлек легкий стук в дверь. Это был какой-то мужчина, не молодой, с проседью в волосах, морщинами и легкой сутулостью.

– Тея, это мой муж – Иван – твой дядя.

– Привет, Тея! – сухо сказал он, явно нервничая. Было заметно, что он с нежеланием зашел в палату и сказать кроме приветствия ему нечего.

– Дорогая, нам пора в суд. – Иван положил руки на плечо жены.

– Милая, мы поедем, сегодня нам должны выдать некоторые твои документы, что бы мы могли забрать тебя.

– Это хорошо, я уже очень хочу уехать отсюда. – я не могла оторвать глаз от фотографии.

Попрощавшись, они ушли. Еще долгое время все внимание было уделено пожелтевшему кусочку бумаги. Это фото,

в отличие от цифровых, имеет душу. Фотограф идеальное подобрал место, красивую цветущую клумбу с играющей водой.

Отложив маленькие картинки, я посмотрела в окно. Тот же хмурый город сейчас омывался потоками остервенелого ливня. Хмурые, серые тучи нависли так низко, что могли случайно зацепить крышу больницы, хотя в ней всего четыре этажа. Хоть сейчас и было чуть больше двух часов дня, казалось, вот- вот взойдет луна и наступит ночь, настолько было темно.

Откинувшись в койке я задумалась о том, какой дом меня ждет у Маи. Судя по их внешнему виду они явно имеют деньги и дом у них должен быть большим. Может быть есть целый гостевой дом, который они отдадут гостю. Это было бы удобно, не пришлось бы встречаться с мужем тёти, раз уж он явно не испытывал радости от нового жильца.

Неожиданно, откуда-то в коридоре раздался знакомый голос:

– Привет, Тея!

Это был тот голос, который я ждала весь день. Сердце снова бешено забилося, щеки загорели и сонливость сразу прошла.

– Привет.

– Я хотел извиниться за ту нашу встречу.

– Все нормально, кто же знал, что так будет. Врач сказал, что это могло случиться от чего угодно, даже просто во сне.

– Я тебе кое – что привез. – Марк поставил на койку пакет с блокнотом и маркерами.

Я с трепещущим сердцем достала подарок. Черная гладкая поверхность книги притягивала взгляд, белые страницы вперемешку с листами из крафт-бумаги сразу породили в ее сознании образ того, что можно на них нарисовать. Совершенно точно там скоро появится его портрет.

– Спасибо огромное! – с восторгом я бросилась обнимать его. – Он такой красивый.

– Я рад, что понравилось. – сказал он прижав меня к себе покрепче. Уткнувшись носом в мои волосы он вдохнул запах, отличный от всего, что чувствовал раньше.

Закрыв глаза он представил луговые цветы на поляне в лесу, ее с цветком мака, вплетенными в длинные роскошные волосы. Все это пахло невинностью и ее не испорченностью.

– Я рада, что ты зашел. – прошептала я ему на ухо, хоть в этом и не было никакого подтекста.

– Вчера я ездил к тому дому, где тебя нашли. – сообщил мужчина, отстранившись и усаживаясь в кресло.

Я села на кровати, прикрывшись одеялом и уставившись на подарок.

– И что? – разговор дальше будет не приятный.

– У меня все еще много вопросов, но главный – как ты так долго выживала в лесу?

– Это вовсе не сложно, если знать, где можно спрятаться от дождя, где лучше ночевать или что есть.

– И ты все это знаешь? – с ухмылкой переспросил он.

– В общине было крайне сложно нормально питаться. Методом проб и периодического несварения мы все находили что-то съедобное. Например, я знаю, какие корни трав можно есть. Черви и кузнечики тоже вполне пригодны. Поверь, когда от голода сводит желудок по несколько дней подряд, можно и пальцы себе отгрызть.

В этих убеждениях он не нуждался. За годы работы в полиции он насмотрелся и на каннибалов, которые ели сами себя, и на психов, которые жрали свое дерьмо.

– В лесу я нашел обрывок ткани, вот посмотри, это от твоих штанов? – он достал маленький, грязные обрывок тряпки.

– Да, у меня такой же рисунок был, мелкие цветочки.

– Много сочувствующих тебе людей пытались пройти по твоему маршруту, но не смогли, погрязли в торфяных болотах.

– Странно, я не чувствовала ничего такого под ногами. Хотя, если подумать, вонь стояла дикая. А как же тогда там пчелы живут?

– Какие пчелы? – переспросил мужчина с явным недопониманием.

– Я попала в капкан как раз неподалеку от пчелиной фермы.

– Почему ты раньше этого не говорила?

– Я думала, что все знают. Там много ульев, дорога, на которой я увидела уезжающую машину.

– Машину? Ты запомнила номер? Модель, марка? – произнеся это она сам понял как нелепо звучит его вопрос для девушки, которая и велосипеда не видела никогда.

– Я не знаю что это за модель, но я смогла ее вспомнить и нарисовать. Рисунок черно-белый, а машина была зеленой. Но такого цвета, будто ее долго не мыли.

Я передала Марку еще одну салфетку с зарисовкой. Машина оказалась пикапом, без особых примет.

– Это уже кое-что. – обнадежил он. – Теперь мы сможем проверить камеры видео наблюдения поблизости и хоть что-то выясним.

– Только не заставляй меня возвращаться в то место.

– Не беспокойся. – Марк снова подошел к ней и погладил ее по плечу. – Нужно призвать к ответственности тех, кто виновен в этом.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Тея заметила его красивую красную клетчатую рубашку под черной кожаной курткой. А он обратил внимание, что глаза у нее стали еще ярче.

– Еще хотел уточнить... – начал он, но запнулся, будто тема вопроса была еще более неловкой. – Когда ты только поступила тебе сделали все анализы, в том числе и анализ крови. Так в ней было большое содержание опиума. Вы использовали там мак?

– Ну да, мак мы добавляли как специи к ужину. А что?

– Видишь ли, опиум – это запрещенное вещество. Это

наркотик.

Глава III

Подъем с глубины

XVII

Долгожданное освобождение из больницы затянулось. Затянулся и процесс упаковывания всех вещей. Их оказалось слишком много. В итоге все же удалось добраться до парковки, на которой нас ожидала большая белая машина с черным – синим логотипом на капоте с тремя буквами «BMW».

Путь к дому тети Майи пролегал мимо безмятежной речной долины, где боролись за выживание несколько старых ферм. Их владельцы выращивали овощи без пестицидов, а также свиней, кур и коз, производили местный сыр и очень хороший кофе торговали ими на рынках, а самые успешные в собственных магазинчиках.

На холмах вокруг городка появлялись все новые и новые дома, одни роскошные, в красивых европейских стилях с дорогими, огромными машинами, припаркованными на подъездных дорожках. Больше всех мне понравилась машина темно-синего цвета, как сказала Майя, эта машина работает на солнечной энергии и такие становятся очень популярными по всему миру из-за ее производителя. Местные жители будто сошли с обложек глянцевого журналов, были разо-

дети так, как одеваются сельские жители, по мнению модных дизайнеров.

Когда мы уже подъезжали, пошел сильный дождь.

– Осень в этом году не дает нам насладиться последними теплыми днями – пожаловалась тетя. – Но, синоптики обещают нам теплый октябрь, бабье лето.

– А я люблю дождь – поддержала я разговор. – Мне кажется, что после него все становится чище вокруг.

Берёзовые рощи, в честь которых был назван поселок, давно исчезли из этих мест, равно как и бывшее благополучие, но наступившее запустение было крайне живописным – выцветшие амбары, ржавые плуги, разбитые телеги с сеном, запущенные пастбища, поросшие желтыми цветами.

– С такого пейзажа у Ван Гога получилась бы отличная картина. – сказала Мая, увидев мою замороженность.

– Давно вы здесь живете?

– Около десяти лет. Мы перебрались сюда, когда все дети выросли и уехали учиться. К нам они приезжают редко, но Кристина приедет как –нибудь на выходных, она хочет с тобой встретиться. А вот мы и приехали...

Из-за густой стены барбариса и рябины показался большой дом с витражными окнами, большой террасой, которая всё еще была увешана кашпо с цветами. Газон ровно подстрижен, под окнами вдоль дома растут пышные кусты роз. Справа, на теневой стороне, огромный кедр держал самодельные качели.

– А у меня уже готов ужин, вы вовремя! – резкий глубокий женский голос заставил меня прервать свои фантазии. На крыльце нас встречала стройная женщина с очень темной кожей, смольными волосами и глазами цвета карамели. Одежда она была в черное платье с белыми манжетами и кружевным воротом. В таком наряде описывали служанок в книгах, которые я читала в библиотеке общины.

– Проголодалась? – прошептала тетя, приобняв меня по дороге к дому. – Врач сказал набрать тебе двадцать килограмм за ближайший год, помнишь?

– Да, конечно, очень хочу есть! – ответила я, хотя это не правда, аппетит так и не пришел.

Сделав шаг в дом я почувствовала холод и пустоту. Первое впечатление от дома – он не жилой. Нет, повсюду лежали вещи, стояли книги, было много комнатных растений, стоял аромат свежей выпечки, но не было ощущения жизни. И не помогали ни пол из благородного каштана, ни антикварная мебель. В гостиной расположился камин, в котором негромко потрескивал огонь, сочился легкий вишневый запах.

Два глубоких кожаных кресла стояли справа и слева от камина и вместе с диваном, повернутым лицом к очагу, образовывали полукруг.

Особое место в каждой комнате занимали распятия. Они были повсюду. Всех видов. Бронзовые кресты, иконы, жутковатого вида средневековые статуэтки. И самое мрачное – картина Сальвадора Дали «Христос св. Иоанна на кресте».

С все тем же изображением сцены распятия, однако, дан вид сверху.

Резкий аромат специй усилился при приближении к кухне. На длинном столе уже выстроились белые тарелки с курицей, салатами, хлебом и закусками. В бокалах налито что-то ярко красное.

– А дядя присоединится? – поинтересовалась я усаживаясь за стол.

– А.. – тетья немного замялась. – Он придет чуть позже, задерживается. Поужинаем вдвоем, и я покажу тебе твою комнату.

Пока я наслаждалась первым в жизни полноценным ужином и впервые пробовала вино, погода окончательно испортилась. Облака, которые с утра были похожи на бегущих вдаль кудрявых овечек, потемнели. Издалека доносились раскаты грома – было невозможно понять, с какой стороны идет звук. Казалось, что гром просто незримо присутствовал в воздухе, и вовсе не предвещал наступление буки. Это ощущение крепло по мере того, как проходили часы, а раскаты не приближались и не прекращались. Порывы ветра подхватывали ворох сухой листвы, кружили его по террасе, легонько бросая в стеклянные двери.

Весь ужин я думала о жизни тети Майи и ее семьи. Несчастный случай – смерть младшего сына в детском возрасте – затмил солнечный свет, превратил их брак в помесь привыч-

ки, сотрудничества и долга, и, наверное, лишь иногда, очень редко, между ними проскальзывала искра, напоминая о том, что было когда-то и что, возможно, еще не было потеряно.

XVIII

К окончанию трапезы голова у меня шла кругом от выпитого вина. Держась за перила с декоративной резьбой я, с трудом, поднялась на второй этаж по деревянной лестнице, зашла в комнату, которую мне благородно выделили. Первое, что я увидела – яркий свет от гирлянды, весело мигающей вдоль всей противоположной стены и плавно заходящей на прикроватную лампу и спинку кровати. Большое окно с удобным диванчиком вместо подоконника приглашало расположиться на нем с книжкой и чашкой какао. Большая кровать с ярким пледом, сшитым из кусков разных тканей, придавало уют и манило прилечь.

– О лучшем и не мечтала! – сказала я Мае, когда она зашла.

– Я рада, дорогая. Все здесь обставляла Кристина.

В руках взволнованная женщина держала маленькую потрепанную книжку.

– Это любимый сборник стихов твоей мамы. – сказала она дрожащим голосом, сдерживая слезы.

Книга оказалась весьма потрепанной. Страницы давно пожелтели, часть из них даже отпали от корешка. Среди неко-

торых страниц лежали засушенные цветы и листья.

– Мама любила собирать гербарии. – я и уже не смогла сдержать слезы.

– Я помню, что в твоём возрасте она любила вот этот стих. – женщина пролистала до страниц, покрытых нарисованными сердечками и девушки с длинными волосами. Закладкой здесь лежал цветок фиалки.

Прочитав стих пять раз я закрыла книгу и, сохраняя впечатление от прочитанного, выключила свет и, накрывшись одеялом покрепче быстро уснула.

Новое ночное видение не заставило себя ждать. На этот раз в грезах меня посетил этот чертов детектив.

Утром, открыв глаза, мне не сразу стало ясно, где нахожусь. Возможно, от части, это было из – за выпитого вчера вина. Утреннее солнце уже пробивалось сквозь плотные лиловые шторы и тянулось ко мне по покрывалу своим лучом. Я решила насладиться моментом и поваляться, но, перевернувшись к другой стене, на глаза попался будильник, на котором уже было половина одиннадцатого. Резко вскочив, я бросилась в душ и скорее одеваться, а затем сразу же спустилась вниз. Ни в одной из комнат никого не оказалось, но, зайдя на кухню, я увидела в окне тётю Маю.

Поторопившись к ней, я извинилась за такой долгий сон. Она лишь нежно улыбнулась в ответ.

Было удивительно для меня сажать тюльпаны посреди роскошного бабьего лета с видом на пылающий всеми красками осенний лес и изумрудные луга под синим небом, когда капли воды на травинках искрятся на солнце. Но занятие это было ничуть не обременительным.

Что-то плеснулось в пруду недалеко от нас. Резко обернувшись, я увидела мужа тёти Май – дядю Ивана. Он нагребал кучу опавшей листвы позади дома. Вся земля вокруг дома была засыпана листьями, а в воздухе стоял сырой запах осени.

Последующие дни было по-прежнему пасмурные. Дул порывистый северный ветер, становилось только холоднее. Трава по утрам была покрыта причудливым узором инея.

Первый серьезный снег выпал вечером первой пятницы ноября. Из нескольких редких снежинок за пару часов он превратился в снегопад, укрывший всю долину, а к полуночи вновь затих. Заросли астр, видневшиеся между прудом и домом, превратились в спутанные коричневые стебли, на которых словно бутонами висели комья снега.

Дядя Иван пил свой вечерний кофе и смотрел, как бледный, едва заметный диск солнца крадетя через лесистые холмы на запад. Ночью было безветренно, поэтому все от террасы до холмов было покрыто несколькими сантиметрами снега.

За несколько недель в этом доме я совершенно точно поняла две вещи: во-первых – их брак чистая формальность,

во-вторых – он что-то скрывает. Каждый раз, когда я оказывалась рядом, он уходил или прятал глаза.

XIX

В пятницу после обеда Мая в непривычном для нее взволнованном состоянии готовила ужин, отпустив экономку пораньше. К вечеру она ожидала приезд дочери и моей двоюродной сестры Кристины. Дети не особо жаловали родителей своими визитами, а разговоры по телефону были короткие и сводились к стандартным фразам. Уже давно в этом доме не произносили признаний в любви и не проявляли нежности.

– Вы с сестрой точно подружитесь! – уверяла меня Мая.

– А чем она занимается? – поинтересовалась я.

– Она художник – декоратор на телевидении. Готовит разные декорации для детских передач.

– Художница? – переспросила я. – Умение рисовать – это у нас семейное? Ты тоже рисуешь?

– О, знаешь... – Мая призадумалась и отвела взгляд в сторону. – Я давно перестала. Хотя в юности писала портреты и пейзажи на заказ.

– У мамы в общине был только один блокнот, а в нем всего три рисунка: маленькая бабочка на цветке, наверное, мой портрет, когда я еще совсем маленькая была и чей – то дом. Мне казалось, что он обязательно должен быть твоим.

– У наших родителей был дом с дорожкой из желтого кир-

пича, может это он?

Неожиданно, в окно ударил свет от подъезжающей машины. Дядя Иван быстро направился к двери и помог Кристине занести сумку с вещами в дом, а затем загнал машину в гараж.

Мая с нетерпением набросилась на дочь с поцелуями и объятиями, но, со стороны казалось, что все это носит скорее формальный характер.

– Значит ты та самая девчонка, о которой говорят в новостях уже пятый месяц? – сказала она, презрительно осмотрев меня с ног до головы. Ее недовольство очень красочно отразила взлетевшая вверх бровь и кислая ухмылка.

– Привет! – ответила я. – Я рада, что ты приехала. Я очень хотела с тобой познакомиться. Раньше у меня не было сестер.

– Может и начинать тогда не стоит? – съехидничала Кристина.

– Дочка, не груби! – вмешалась Мая.

– Тётя сказала, что ты художница. Это здорово. Я тоже немного рисую.

– Немного? – усмехнулась девушка. – Учишься сама? Интуитивно?

– Да, можно и так сказать.

– Знаю я таких самоучек.

– А можешь рассказать подробнее про свою работу?

– Нет, не люблю говорить об этом.

– Ладно, девочки, давайте за стол садиться! – дядя Иван приобняв Маю и Кристину направил всех к столу.

Неловкость после этой сцены сохранялась весь вечер. И, несмотря на то, что оживленные разговоры продолжались еще долго, я четко ощущала свою непричастность к их жизни. Смогу ли я когда нибудь стать полноценным членом этой семьи? Или какой-то другой? Я совершенно не задумывалась о том, как моя жизнь сложится потом. Все мои планы ограничивались поиском тети Майи.

Ближе к десяти часам вечера было принято отходить ко сну. Следуя своей новой традиции, я налила полную ванну горячей воды с ароматной пеной. Мои длинные волосы Мая укоротила, но все равно они были до поясницы, и, что бы их не намочить, я завязала удобную шишку на самой макушки, как научилась по видео урокам в интернете.

Голоса из коридора все еще продолжали доноситься. Каждый стук двери, каждый громкий звук приносил беспокойство, хотя аромат лаванды должен был успокоить. Я завернулась в вафельный халат, надела длинные носки и очень удобно устроилась на кровати. Перед сном я пыталась прочитать еще одну главу в очередной книги, но процесс не шел. Все мысли были заняты тревогой.

Спалось сегодня мне тоже плохо. Сознание затягивали замкнутые круги беспокойства. Некоторые из них, растворившиеся к утру, были про Марка. Увидев первые лучи утреннего солнца, до меня дошло, что я не сомкнула глаза.

Я резко встала, подошла к окну и распахнула его. Резкий поток холодного воздуха воскресил целую вереницу фантазий – сугробы на берегах реки, доходящие до колен, раскрасневшиеся и ноющие от снежков руки, крошки льда, застрявшие в шерстяных варежках, ветви деревьев, согнувшиеся под тяжестью снега, рождественские венки на дверях домов, яркий свет повсюду.

Уличный свет от фонаря на входной двери снизу окутывал дом фантастическим сиянием, превращая его в волшебный храм, в светящийся космический корабль.

В поле одиноко стояла старая береза. Будто бы человек застывший в вечном беге, словно метафизический символ, олицетворение человеческого одиночества перед лицом Вселенной. Кровь стучала в висках, легкие горели, по влажному телу бежал холод, но вся эта сцена была пустым пейзажем, бесконечной крупницей в Вездесущем небытии.

На небе все еще виднелся полустертый месяц. Он, будто настойчиво заглядывал в моё окно. Вот бы хоть кто-нибудь дал мне ответы. Я до боли схватилась за деревянную оконную раму и зарыдала, стараясь сдержать всхлипы, чтобы не разбудить весь дом.

Солнце, бледный диск которого еще с утра проглядывал сквозь серую завесу зимних облаков, теперь окончательно спрятался за нависшими тяжелыми бугристыми тучами.

Освещение днем казалось мрачным, как лицо ледяной богини, равнодушной ко всему живому. Унылая картина не добавляла оптимизма, а лекарства, которые мне прописал психотерапевт, переставали помогать.

В реабилитационном центре мне помогали получить хоть какое-то образование, и я шла с опережением, надеясь получить диплом о начальном и среднем образовании через пару лет. В группе поддержки кроме меня было еще три человека. Сложно было общаться с этими людьми, потому что они еще более замкнутые, чем я.

По дороге из центра реабилитации мы всегда заезжали в какое-то новое место. В очередную поездку было кафе, в котором очень сильно пахло свежесмолотым кофе. Заняв столик у окна в конце зала, я сделала заказ и осмотрелась. Декор под настоящее дерево был разбавлен искусственными цветами из икеа, постерами столиц и бесплатным вай-фаем. Официанты в красивых зеленых передниках плавно маневрировали между столиками. Особенно моё внимание привлекла одна девушка – бориста. Ее левое ухо было все усеяно маленькими золотыми сережками, в носу септум с кольцом, похожим на снежинку, и монрошка на нижней губе. Кажется, это называется неформал.

За соседним столиком сидел парень, молодой и стильно одетый. Над воротником его клетчатой рубашки проглядывала татуировка в виде языков пламени. Очень интересно в общественных местах наблюдать за тем, как люди самовыра-

жаются, как ищут себя.

Прошло два месяца в доме Майи. Два месяца тот полицейский не объявлялся. Я часто за это время порывалась позвонить ему, но что сказать? Я не умею общаться с парнями.

К этому моменту все работы в саду уже были закончены. Так что дни на пролет мы сидели дома, изредка выезжая в город за самым необходимым.

После очередного снегопада мы с Маей брали лопаты и шли расчищать двор до самой подъездной дороги. Делать это приходилось вдвоем, так как дядя Иван регулярно задерживался в командировках в соседних городах. Тетя убеждала, что это нормально, постоянные задержки на работе и отлучки стали нормой их жизни.

Такая работа была мне в радость. К зиме я уже сильно соскучилась по физическому труду, а вот учёба и телевизор стали надоедать. Когда снег чуть подтаивал мы выстраивали снежные инсталляции. Дом окружали толпа снеговиков, сани, запряженные оленем и несколько гномов.

В спокойном зимнем возлежании на диване были свои плюсы. Я смогла научиться пользоваться компьютером, а в социальных сетях нашлось много интересных людей, блогеров.

Ближе к новогодним праздникам погода установилась и началась предпраздничная суматоха. В большой гостиной, в углу между двумя большими окнами с бархатно-бордовыми шторами расположилась ёлка, высотой до потолка. Мая достала коробку с новогодними игрушками. В ней было огромное множество всего: красная звезда с блестками на макушку, разноцветные шары, гирлянды и мишура. На дне лежала еще одна коробка гораздо меньше. Тётя достала ее с особой нежностью и аккуратно протянула мне.

– Эти шарики подарила твоя мама на свой последний новый год, проведенный с нами. – сказала женщина, едва сдерживая слезы.

Я развернула коробку, но рассмотреть содержимое смогла с трудом из-за подступивших чувств. Внутри лежали четыре шарика небольшого размера, два синих – на одном рисунок в виде белой снежинки, на другом маленький снеговик. Два красных шарика на которых расположились надпись «Счастливого нового года» и красивый тигр, выполненный золотой краской. Их мы расположили на самом видном месте.

В один пятничный вечер мы направились в самой большой торговый центр за подарками.

– Ты определилась, что хочешь найти под ёлкой? – поинтересовалась Мая, когда мы шли от парковки.

– А поход в кино можно считать за подарок?

– Всё что пожелаешь, дорогая.

В этот раз в торговом центре было оченьлюдно. В главном

хале на первом этаже проходила шумная акция, где каждому участнику обещали подарок, если они переделает популярную песню в новогоднюю. Мы протиснулись сквозь толпу зевак и поднялись на эскалаторе на второй этаж, где по велению Майи пришлось заходить в каждый отдел.

Часы, потраченные на хождение из одного отдела в другой, сменились отдыхом в ресторане. Десяток фирменных пакетов оттягивал руки, но приносил наслаждение от предвкушения счастливой минуты, когда всем этим получится воспользоваться. Мы уселись у окна, где нас рассматривали все проходящие мимо.

– Как насчет запеканки? – предложила Майя.

– Я не особо голодна. – ответила я, убирая меню. – Можно только сок?

– Ты снова теряешь вес, а должна набирать. Помнишь, врач сказал, что если не наберешь десять килограмм до нового года, тебя с января отправят в больницу.

– Мне нравится быть такой худой. Аскетичная худоба – мой стиль!

– Со стороны больше напоминает героиновою анорексию! Ешь давай.

Я посмотрела на людей вокруг. Рядом с нами сидели две молодые девушки и громко обсуждали, что подарят своим парням. Одна из них, с очень короткой стрижкой под мальчика и сильно высветленными прядями, достала из пакета коробку с парфюмом. Вторая с татуировкой на шее про-

демонстрировала купленные мужские часы. Стало немного грустно, что такими мелочами люди отмеряют свои чувства друг к другу. Все веселились, смеялись, обсуждали что-то, строили планы на праздники. Само слово – праздники – для меня было новым. Так много нового, я не могу привыкнуть.

Вокруг было очень много шума, все мигало и сосредоточится на чем – то было очень сложно. Праздничная атмосфера принесла с собой не только радость, но и много гирлянд и людей в праздничных костюмах, которые призывали поучаствовать в акциях. Я почувствовала, что сердце стало биться чаще, а руки похолодели – это первые симптомы панических атак. Закрыв глаза мне снова пришлось начать считать от двадцати до нуля, сосредоточившись на внутреннем голосе.

Двадцать-девятнадцать – шум праздничной песни из главного холла начинает стихать.

Восемнадцать-семнадцать – люди, сидящие рядом, говорят все тише.

Шестнадцать-пятнадцать – огни гирлянд мигают медленнее и не так раздражающе.

Четырнадцать-тринадцать – я концентрируюсь на своих пальцах, которые выстукивают успокаивающий ритм по деревянному столу.

Двенадцать-одиннадцать – я представляю собаку Май, милого пуделя. Представляю, как я его глажу.

Десять – девять – я в своей комнате, под одеялом. Враж-

дебного мира больше не существует.

Восемь-семь – считаю удары сердца.

Шесть – пять – вспоминаю аромат парфюма Марка. Ноты сочного грейпфрута плавно перетекающие в кардамон, горячий имбирь и сладкий аромат цитруса.

Четыре – три – снова ощущаю его руку на моей руке, единственный раз он коснулся меня, когда отдавал мне подарок.

Два – один – в тот момент его губы были так близко...

– Милая – резко прервала мои фантазии Мая, положив свою руку мне на плечо. – Ты в порядке?

– Прости. – я попыталась отделаться от мыслей, вытряхнув их из головы. – Так много света и шума.

– Опять приступ паники?

– Да.

– Все нормально? Хочешь, можем уйти?!

– Все норме. Давай поедим.

Мая отстранилась от меня и взялась за столовые приборы.

– Ты резко побледнела, а затем проступил румянец. Наверное вспомнила про того полицейского? Он милый, но староват для тебя.

– Кажется он не из полиции. Кажется, у него какая-то специфическая деятельность.

Еле получилось сдержать улыбку. Тётя подозрительно посмотрела на меня, слегка поведя бровью вверх. Неловкость сохранилась до конца ужина, как и мои мысли о нашей с ним последней встрече.

Не торопясь мы продвигались к выходу. Некоторые отделы стали понемногу закрываться, выпроваживая задержавшихся посетителей. Когда людей и музыки стало меньше, я смогла разглядеть детали. Гирлянды на окнах были сделаны из бумажных колец, переплетенных с мишурой и серебристым дождем. На стеклянных поверхностях белой и голубой краской нанесены новогодние сюжеты с санями, бородатым добрым стариком и множеством подарков.

По второму этажу уже начали ходить уборщики, выкатывая огромные машины для мытья пола и протирая витрины от отпечатков. Освещение понемногу стало стихать.

В главном зале, где стояла самая красивая новогодняя ёлка, сотрудники магазина электроники устроили какой-то розыгрыш подарков. Десяток полуголых парней и девушек соревновались в спортивных дисциплинах, отжимались, прыгали, приседали. И все это за новый телевизор или телефон. Все это для меня было дикостью. В какой момент цивилизация свернула не туда?

Приближаясь к ним я уже почувствовала, что паника вновь накатывает и вцепилась в руку Май крепче.

– Давай обойдем их. – прокричала Мая, стараясь перебить грохот музыки. – Мы уже выходим.

Громкая артхаусная музыка разрывала барабанные перепонки и взрывала мозг. Яркие огни софитов и танцующих в полутемноте людей с диодными браслетами могли вызвать приступ эпилепсии у любого. Один из танцоров в темноте не

разглядел провода и, запнувшись, налетел на меня. Я упала сильно ударившись головой, моё сознание будто выбили из тела. Всё погасло.

Не знаю сколько времени прошло, но толпа успела разойтись. На всем этаже почти не было людей и освещение осталось только над нами. Первое что попало на глаза – Мая, разговаривающая по телефону в нескольких метрах от меня. Я лежу на парковой скамейке, которые стоят по всему торговому центру.

– Ну, привет. – его бархатный голос снова пронзил меня электрическим разрядом. В этот момент я увидела, что он сидит рядом, на полу. Я попыталась подняться, но голова отозвалась резкой болью в затылке.

– Не двигайся, похоже разбила голову. Немного крови проступило. Сейчас поедem в больницу.

– Как ты здесь оказался?

– Тоже выбираю подарки. – ответил Марк, присаживаясь рядом. – Как у тебя дела? Что нового за три месяца?

Пришлось призадуматься. Что же ему сказать, ведь за три месяца в моей жизни не произошло ничего стоящего.

– Да все рутинно. Школа, группа поддержки, дом. Иногда вот выбираюсь в такие места.

– Группа поддержки нравится? Я могу поискать для тебя другую, если хочешь.

– Спасибо, группа хорошая. – он заметно смутил меня

этим жестом заботы.

Он придвинулся поближе ко мне:

– Как на счет того, чтобы отпустить твою тетю, а нам с тобой прогуляться? Я отвезу тебя домой.

Я кивнула, не сводя глаз с него. Марк поднялся, подошел к Мае и что-то сказал ей. Женщина улыбнулась, помахала мне и направилась к выходу. Он протянул мне руку, помог подняться.

– В больницу вовсе не обязательно. – заверила я. – Давай лучше выйдем на воздух, здесь душно.

По дороге к еще открытой задней двери, я одела шапку, намотала шарф и незаметно подкрасила губы алой помадой. Торговый центр располагался на берегу реки и мы направились туда по кирпичной аллее. Первое что бросилась в глаза на выходе – огромная Луна зависла над рекой, освещая свежевывавший снег. Усыпанное звездами небо было чистым от края до края.

– Это же небо пол года назад мне освещало дорогу через лес. Такая же огромная, безмятежная Луна была моей спутницей. – Я сказала это так тихо, что не была уверена, услышал ли Марк. Но он услышал и взял меня за руку. В этот момент разряд электричества сосредоточился в моей ладони и пульсом бил по всему телу. Я перехватила его руку, просунув свои пальцы между его. Холод улицы столкнулся с жаром во всем моем теле.

– Как тебе живется у тети? – спросил он.

– Все нормально. Размеренные будни. Мы почти все время вдвоем.

– Твой дядя не часто бывает дома?

– Да, он почти все время в разъездах. Говорит, что в бизнесе проблемы и нужно новых партнеров найти. Праздники, кажется, тоже будет далеко. А почему спрашиваешь?

– Просто так. Расскажи про свою группу.

– Нас там почти двадцать. Я не люблю разговаривать там, лучше просто слушать.

– Так в группе тебе помогают, ты чувствуешь себя легче? – перебил меня Марк.

– Да, все нормально, ничего другого не нужно. А ты все еще работаешь над моим делом?

– Да, конечно, я про него не забыл. Пока ничего нового. Чем ты дома занимаешься? Продолжаешь рисовать? – очень аккуратно он сменил тему.

– Люблю читать. Совсем недавно прочитала «Сто лет одиночества» и «Мастер и Маргарита». Ну и каждый день смотрю какой-нибудь фильм. Изучаю все, что пропустила. Хотя иногда кажется, что лучше бы я осталась в общине.

– Что? – Марк резко меня одернул, развернув к себе. – Тебе нужно было сбежать. Мне нужно было тебя встретить. Ты не только свою жизнь спасла этим поступком.

Он осторожно отодвинул прядь моих волос, заставляя сердце забиться как у загнанного зверя, с каждым словом он подходил все ближе и ближе до тех пор, пока не смог дотя-

нуться до меня своими губами. Его правая рука легла на мое лицо, слегка придвигая голову ближе. Его горячие губы обожгли мои губы легким прикосновением. Рефлекторно я ответила на поцелуй, потянувшись к Марку лицом, и подступила ближе. В этот момент мы оба перестали замечать холодный ветер, приносящий с воды колючий холод и крупный снегопад, успевший начаться пока мы шли. Нас засыпали белые, блестящие в свете ночного светила снежинки, но нам было все равно – ведь на душе, наконец-то, как никогда тепло.

Крепко обнявшись, мы простояли некоторое время в полной тишине. Я наблюдала, как крупные хлопья медленно опускаются, покрывая плечи и меховой ворот кожаной куртки Марка. Мне стало настолько жарко, что я сорвала с себя шапку и распустила волосы, которые легкими кудрявыми волнами легли мне на плечи.

– Ты даже не представляешь, насколько ты красивая. – сказал мужчина, отстраняясь от меня. Он стоял, перебирая мои волосы в своих руках, а затем снова прильнул к моим губам, приподняв мою голову за подбородок. – Давай я тебя отвезу домой, замерзла уже.

Я безмолвно и послушно следовала за ним. В голове фейерверк эмоций и чувств. Тело непривычно отзывалось на каждое прикосновение.

На парковке у торгового центра осталась только одна машина. Большой черный джип, который еще до нашего под-

хода завелся.

– Не против музыки?– спросил Марк, когда мы уселись.

– Только за, люблю радио слушать.

Мы еще раз обменялись пристальными взглядами, после чего он наклонился ко мне за очередным поцелуем. Я сделала тоже самое.

Маршрут до дома специально был выбран через весь город. Огни засыпающего предновогоднего города создавали сказочную атмосферу. Сердце изнутри разрывалось от эмоций. При каждой возможности мужчина поворачивался ко мне, смотря прямо в глаза, а я от смущения краснела и опускала их. Мы много смеялись, обсуждали то, что случилось за последний час и, незаметно, добрались до дома Майи.

– Мы еще увидимся? – спросила я напоследок, чем вызвала громкий смех, который меня озадачил.

– Конечно, малышка! – заверил меня Марк. – Теперь я от тебя точно не отстану.

Мы поцеловались еще раз и я ушла. Он дождался, пока за мной закроется дверь и уехал.

Взяв себя в руки я спокойно, не выдавая эмоции, направилась в ванную комнату. В зеркале сегодня отражался совершенно другой человек. Там стояла девушка с большими, блестящими глазами, покрасневшими щеками и алыми губами. Это был новый человек, с которым мне только предстоит познакомиться, но она мне уже нравится.

Под пушистое, теплое одеяло я залезла в халате и пижамных штанах, это была уже давно моя любимая одежда. Подмигивающие новогодние огни гирлянды пританцовывали над изголовьем кровати, окрашивая в яркие тени белый потолок, увешанный флуоресцентными звездами. Окно было закрыто габардиновыми синими шторами не до конца, и мне было видно, как в свете уличного фонаря крупные хлопья снега кружили свой магический вальс. Телефон, лежащий на зарядке на тумбочке у изголовья кровати, сигнализировал синим огоньком индикатора о пришедшем сообщении от Марка.

«Сладких снов, моя дорогая! Увидимся на праздниках. Научу тебя кататься на коньках». – Сердце забилося так, что готово было выпрыгнуть из груди и убежать вдогонку за ним.

«Жду с нетерпением!!! Сладких снов». – Ответила я. Сердце снова заколотилось и воздуха стало не хватать. Порхнув к окну и вновь распахнув его настежь, я сделала глубокий вдох. Теперь, увидев круг моей таинственной ночной спутницы, улыбка растянулась от уха до уха. Она сейчас была моей подругой, с которой я могла обсудить эту волшебную эмпирическую связь с другим живым существом. Еще никогда я не испытывала подобных чувств. Безграничное доверие граничило с чистой искренностью и безумной симпатией. Снеговик под моим окном в восторженном жесте про-

тягивал свои руки-веточки ко мне. Все мое сознание было сейчас не в этой комнате на отшибе цивилизации, отделенное километрами безжизненных полей от большого города, к которому я так стремилась.

Телефон издал звук, уведомляющий о новом сообщении.

«А ну ка быстро засыпай, уже поздно!» – приказной тон смягчал смайлик в виде поцелуя. В ответ я отправила такой же смайлик и нырнула обратно под одеяло.

Снова вибрация телефона на этот раз принесла с собой фотографию снегопада над рекой, который он сейчас, наверное, проезжал. Я не узнала это место поначалу, но присмотревшись поняла – это мост на въезде в город, в пятнадцати минутах езды от нашего дома.

«Завтра опять пол дня будем чистить двор. Обожаю это занятие». – ответила я.

Снова в ответ пришел смайлик с поцелуем. Следом сообщение: «Спокойной ночи, завтра поговорим».

Ладони сильно вспотели, я провела ими по халату. Щеки пылали и в животе разрастался бутон ранее неизвестного мне цветка.

«Сделай фотку и пришли мне, поставлю на заставку». – новое полуночное сообщение от Марка и ладони вновь мокрые, а щеки горят.

Я включила фронтальную камеру и увидела в кадре уже не беззащитного ребенка, которым была еще вчера. Сейчас я увидела девушку – именно это слово подходило лучше все-

го. Девушку, с алыми губами к которым прилила кровь и розовыми щеками, с блестящими сонными глазами и ровной, гладкой кожей. Поправив халат, что бы были видны шея и плечи в рамках приличия, фото лучшего момента за всю прожитую жизнь только что улетело к любимому мужчине.

«А где же фото для меня?» – написала я.

Спустя пару секунд оно пришло. Такой же сонный, с прищуренными глазами и застенчивой улыбкой, освещенный приглушенным светом ночной лампы.

Сейчас захотелось выплеснуть эмоции в тот блокнот. Все время, эти несколько тихих месяцев, подаренный Марком блокнот лежит наготове в верхнем ящике у кровати, но вдохновения не приходило. На небольшой странице крафт-бумаги вмиг прорисовался берег реки, огромная Луна и пара слившихся в поцелуе силуэтов. Было странно увидеть, что мои мысли осязаемо воплощаются на листе бумаги.

Я закрыла блокнот, оставив карандаш внутри, прижала блокнот к груди и постаралась успокоиться. Сон пришел быстро и незаметно увлек меня в забвение. Яркие и эмоциональные образы не позволили сегодня забыться полностью. Снова я растворялась в теплых объятиях и любовалась его невероятными глазами. Снова луна висела неподалеку, не отступая от нас не на шаг, подглядывая за каждым жарким поцелуем, от которого внутри все разрывалось. Сквозь сон прорывались отчетливые ощущения движения его руки по моей спине вниз до изгиба талии. Его колючая щетина впи-

валась в мой подбородок и в мягкую кожу губ. Я грела руки на его накаченной груди под расстегнутой курткой.

Легкое поскрипывание половиц в коридоре выдернуло меня из самого красочного сна. Первое, о чем я подумала, что Мая ночью решила прогуляться до кухни. Но моя комната находилась в конце коридора, и, значит, она идет ко мне специально. Я повернулась к двери и, когда глаза привыкли к темноте, увидела силуэт, стоящий совсем рядом с моей кроватью.

– Мая, что-то случилось?

Ответа не последовало. И тут я поняла, что силуэт гораздо больше сухожильной женщины. Тогда я быстро вскочила с кровати и включила свет в комнате. Передо мной стоял человек в черной куртке, черной лыжной маске и в черных перчатках. Некоторое время мы стояли неподвижно глядя друг на друга, затем он потянулся в карман и достал что-то. Присмотревшись, я поняла – это был небольшой пистолет. Он не торопясь наставил оружие на меня, все еще сохраняя молчание. Любой момент сейчас для меня должен был стать последним. Эти секунды до выстрела длились вечность.

Неожиданно, позади него в свете тусклого лунного освещения в коридоре, что-то мелькнуло, раздался глухой удар, и фигура незваного гостя упала на пол.

– Тея, беги! – громкий крик Майи выдернул меня из ступора. Я бросилась к двери, и, увидев тетю в свете, почувство-

вала, как тошнота накатывает. Ее голова вся была покрыта кровью, капли которой все еще стекали вниз по седым волосам. Лицо было искажено и на багрово-алом фоне четко выделялись обезумевшие глаза. Она захлопнула дверь в комнату и подперла ее стулом. В тот момент на запястьях и левой щеке Май я заметила сильные ссадины. Должно быть ее руки были связаны, а во рту был кляп. Меня трясло, сделать вдох было сложно. Я видела, что женщина рядом со мной двигалась с трудом, ее качало из стороны в сторону, но она отчаянно пыталась двигаться дальше. Мы направлялись в гараж, когда на лестнице раздались чьи-то шаги. Сердце заколотилось и страх нахлынул с большей силой. Мы заперты в конце коридора второго этажа. Поскрипывание ступенек продолжалась, тот, кто поднимался, совсем не торопился. Мая прошептала мне:

– Будь готова бежать.

Мои глаза наполнились слезами и я с трудом смогла сдержать рыдания. Звенящая тишина ритмично прерывалась скрипом половиц, и на пол коридора начала медленно заплывать тень поднимающегося по лестнице человека.

Мая тихо продвинулась к лестнице и крепче сжала в руках обломок какой-то железки. Когда показался ботинок на верхней ступеньке, Мая наградила его щедрым ударом железки по лицу. Не теряя время мы обе бросились по лестнице вниз, но достигнув входной двери, обнаружили, что выйти не удастся. Деревянная, массивная дверь оказалась подперта

чем-то с улицы.

– К задней двери! – прошептала тихо женщина. Но и там нам не удалось выбраться – дверь была заколочена. Я стояла позади Майи и увидела, как ее плечи опустились в расслаблении.

– Дорогая, – сказала она. – Придется тебе снова бежать.

– Только с тобой! – сквозь слезы, заикаясь, проговорила я.

Майя улыбнулась:

– Сегодня я увидела человека, который позаботится о тебе лучше меня.

Далее все произошло настолько быстро, что я не смогла осознать происходящее. Майя бросила в окно кухни стул, оно разлетелось вдребезги. Я быстро перепрыгнула через подоконник и оказалась по колено в рыхлом, свежем снегу. Я сделала несколько шагов и обернулась. Позади Майи стоял черный силуэт, раздался выстрел и приглушенный вскрик. Женщина резко дернулась и упала лицом вперед. В освещении уличного фонаря я увидела, что пистолет теперь направлен на меня. Я бросилась бежать. Как в ту самую ночь, которая привела меня сюда. В снегу мои ноги утопали, холод декабрьской ночи обжигал лицо, но я просто заставляла себя делать шаг за шагом. Мне нужно было только добраться до Марка, он сможет защитить. Морозный воздух проникал в горло и легкие, а мои ноги уже окоченели от холода, но я продолжала делать шаг за шагом.

Из-за глухого поворота на большой скорости вылетела ма-

шина, едва не сбив меня. Яркий свет фар ослепил, и я впала в оцепенение, едва дыша и с трудом держась на ногах. Кто-то вышел со стороны водителя и направился ко мне.

– Тея, ты ранена? – это был мой Марк.

Я стояла, смотря на него и не понимая, что нужно сейчас ответить. Он провел меня в машину, усадил на сидение рядом с собой, укрыл пледом, и, тогда я увидела в зеркало заднего вида еще несколько машин, стоящих позади его. Среди них были полицейская машина и скорая.

– Тетя Мей! – прошептала я сквозь пронзительную судорогу, когда мы уже подъехали к дому и указала на разбитое окно кухни трясущейся покрасневшей рукой.

Все машины с шумом и мигалками окружили дом. Входная дверь, которую нападавшие замазали чем-то похожим на цемент, спецназу пришлось выбить. Из машины я наблюдала, как вооруженные люди распространились по дому, как свет от их фонариков выглядывал из каждого окна.

Неожиданно из рации раздалось шипение и мужской голос доложил: «Нужен коронер на кухню». Мне вдруг стало сильно не хватать воздуха, вдохнуть никак не получалось. Я поджала колени к груди, уткнулась в них лицом и зарыдала.

«Один без сознания» – снова прозвучало по рации. Сердце бешено заколотилось. Это должно быть, тот, что остался у меня в комнате.

Уже через мгновение его выводили из дома, закованного в наручники. Его разбитая голова была опущена в ворот курт-

ки, но походка и сутулость мне казалась знакомой. Когда он поравнялся со мной, я узнала его профиль – дядя Иван! Голова закружилась сильнее прежнего, сердце замерло в груди и в голове пронесся хоровод вопросов, но многое встало на свои места.

Дверь рядом со мной открылась и сквозь слезы я увидела Марка. Он молча потянулся ко мне и обнял, прижав к себе очень крепко. В голове не укладывалось все, что произошло.

– Давай сейчас поедem ко мне? – предложил он. Я кивнула и отпустила его из объятий.

Откинувшись на сидении, перед моим взором предстало, как в одну из машин на носилках укладывают черный пакет с телом Май.

По дороге в квартиру Марка мы молчали. Я смотрела в окно пока мы ехали, но не видела ни города, ни людей. Наступила апатия. Не помню, как мы доехали, и как зашли в квартиру, как я села на подлокотник дивана в гостиной. Сознание вернулось ко мне только тогда, когда он переодевал мне носки. Все его прикосновения были такими нежными, обволакивающими добром и заботой, что мне сразу захотелось спать. Я положила руку на плечо Марка, пока он сидел на коленях передо мной. Мужчина легонько прикоснулся губами к моему запястью, а закончив с носками, поднялся и очень крепко меня поцеловал. В этот момент я ощутила, как трясутся мои губы. Чуть отстранившись, он прошептал:

– Тебе стоит принять горячую ванну, чтобы не разболеться от охлаждения.

Я слегка кивнула.

– Я наберу ванну и дам свою одежду. Снимай все и переодеешься в халат. – добавил он.

Послушно дойдя до спальни, я переоделась, ощущая, насколько мокрая была одежда и как же мне холодно.

Из ванной тем временем доносился аромат сладких фруктов. Небольшая комната оказалась очень светлой, с маленьким окном с занавеской в мелкий цветочек. В самой ванной разрастался сугроб белой сверкающей пены.

– Уже можно залезать. Мне выйти? – сказал Марк.

– Нет, просто отвернись.

Улыбнувшись, он послушно отвернулся. Сняв носки и халат и оказавшись абсолютно голой, я бросила халат на плечо Марка и быстро погрузилась в пену.

– Ты побудешь со мной? – спросила я.

– Конечно. – ответил он, мягко улыбнувшись и присаживаясь на край ванной.

– Что мне теперь делать? – слёзы снова комом встали у меня в горле.

– Милая, не бойся! Пока останешься со мной.

– Как он мог ее убить? Они же тридцать лет были женаты.

– Не думай об этом. Нам никогда не понять мотивы людей.

Завтра узнаем все. Его сейчас оформляют и допрашивают. Постарайся переключиться на что-то происходящее сейчас.

На теплую ванну, на меня.

– Да я... пытаюсь... – снова вырвался всхлип. Я закрыла лицо ладонями и погрузилась под воду. Марк опустил руку на мое плечо и потянул меня наверх.

– Ну вот, волосы уже намылила, давай помогу помыть их.

– Ты веришь в Бога? – поинтересовалась я. – В общине нас заставляли верить и молиться.

– Я скорее не верю, чем верю. – ответил он. – А ты?

– Я не понимаю смысла веры. Я молилась каждый день, беды меня стороной не обходили, и облегчения не наступало. Я думаю, что там никого нет, а если и есть ему на нас наплевать.

После Марк завернул меня в махровое полотенце и, не спеша, взял на руки и отнес в спальню. Сон уже крепко завладел моим сознанием. Напоследок, мой мужчина лег рядом со мной, крепко обняв со спины. Наши пальцы переплелись и, отчетливо слыша его размеренное дыхание, погрузилась в сон.

Глава IV

Снова в бездну

XXII

Я стояла на берегу реки у дома Майи. Пушистый снег медленно опускался на спящую темную землю. Ледяная

гладь припорошилась снегом и отдавала синим флуоресцентным светом. Я наблюдала тишину во всех ее проявлениях. Неожиданно на правое плечо мне упала чья-то рука и, обернувшись, я увидела окровавленную Маю.

– Тея, беги! – снова крикнула она.

Вздрогнув, я резко поднялась на кровати и встретила лицом к лицу с Марком, принесшим мне завтрак в постель.

– Доброе утро, дорогая гостья!

– Привет! – ответила я, опомнившись, что кроме полотенца ничего на мне нет и укрывшись покрепче одеялом.

Марк подошел ближе и поставил поднос на комод.

– Вот, эта должно подойти. – сказал он, протягивая мне сине-фиолетовую аккуратно свернутую кофту. Я откинула одеяло и одела ее на голое тело. Мужчина в этот момент смущенно отвел глаза.

– Как спалось? – спросил он, усаживаясь поближе ко мне.

– Хорошо. Я выспалась.

– Ты разговаривала во сне.

– И что сказала?

– Что-то невнятное. Наверное, от усталости просто.

– Мне снилась тетя Мая – ком снова подкатил к горлу и слезы нахлынули.

Марк успокаивающе погладил меня по ноге.

– Сегодня сможем съездить к тебе домой и взять необходимые вещи.

– А допрос? Почему он это сделал?

Марк отклонился от меня, сделал глубокий вздох и провел правой рукой по лицу, будто не решаясь что-то сказать мне.

– Давай сначала поешь, потом поговорим.– прервал он мои расспросы. Я понимала, что меня ждут более серьезные откровения, отчего аппетита совсем не было.

Закончив трапезу, Марк забрал поднос и дал мне время привести себя в порядок. Приняв душ и переодевшись, я принялась расчесывать длинные волосы. Мужчина подошел ко мне сзади, забрал расческу и стал медленно проводить ею по всей длине моих пшенично золотых прядей. Этот процесс увлек нас обоих, и мы забыли о времени.

Покончив с этим, Марк заплел мне длинную крепкую косу, чем очень меня удивил.

– У меня есть младшая сестра! – Оправдался он, подмигнув мне в отражении зеркала, перед которым я сидела. Он положил руки мне на плечи и уткнулся носом в мой затылок, нежно поцеловав макушку, затем, медленно проведя рукой по моему подбородку, повернул и приподнял мою голову. Губы снова пронзило током поцелуя.

– Ну все, пора ехать. – Прошептал он в сантиметре от моих губ, а когда я повернулась к двери – шлепнул по костлявой ягодице.

– Подожди – остановил меня Марк. – Лучше я тебе скажу. Я резко напряглась в ожидании очередной атаки. Марк прижал меня к своей груди и крепко обнял. Почти шепотом,

мне на ухо он сказал:

– Твой дядя Иван – это твой отец.

После услышанного голова у меня закружилась и накатила тошнота. Я вцепилась в него покрепче боясь упасть без сознания.

– Я не дам тебя в обиду! Все будет у нас хорошо!

По дороге в отделение полиции, где держали Ивана, я обдумывала о чем я хочу его спросить. Почему он бросил меня в общине? Почему так хотел поступить сейчас?

– Тея, идем! – Голос Марка выдернул меня из раздумий, и тогда я поняла, что мы уже приехали.

Заходить в отделение было страшно, колени тряслись, руки потели. Марк взял меня за руку и привел в кабинет, где кроме двух небольших офисных мягких диванов, стола с какими-то журналами и большого окна не было совсем ничего.

Я уселась на край дивана и, закрыв глаза, постаралась снова сосредоточиться на своем дыхании, что бы успокоится.

Десять – девять – я в квартире Марка.

Восемь – семь – огни его новогодней ёлки мигают медленно.

Шесть – пять – я в его постели, мне тепло и уютно.

Четыре – три – он крепко обнимает меня, прижимает к себе.

Два – один – сладкие губы Марка снова целуют.

Дверь в комнату распахнулась и Марк пригласил пойти за

ним. По дороге в комнату для допросов я успела разглядеть столы, за которыми работали люди и в форме и в гражданской одежде. Их было около десяти. У дальней стены находились закрытые камеры, переполненные нетрезвыми людьми. Солнечного света почти не было, отчего казалось, что отделение полиции находится не на третьем этаже, а в подвале. Я сцепилась в руку Марка еще крепче, что привлекло внимание некоторых сотрудников, покосившихся на нас.

Перед входом в комнату Марк остановился и сказал почти шёпотом:

– Он там, на нем наручники. Ты можешь спросить все, что захочешь. Его допрашивали, не пугайся.

Я кивнула. Дверь распахнулась и, войдя в комнату, я увидела его. Понятно стало предупреждение Марка – Иван был избит. Правый его глаз не открывался вообще, распух и имел цвет черной тучи, лоб и голова выше имели много кровавых бороздок. Руки, лежащие на столе и были закованы в наручники, сильно опухли и не досчитывали несколько пальцев. Крепкий, высокий мужчина сейчас согнулся и напоминал больше дряхлого старика. Марк пододвинул стул, что бы я села напротив дяди-отца.

– Ты знал обо мне? – спросила я, наконец собравшись с мыслями.

Он кивнул не поднимая упавшей на грудь головы.

– Почему ты не помог забрать нас?

Ответа не последовало.

– Тебе было удобно скрывать свою ошибку в далеке. А Мая знала обо мне?

– Догадывалась. – еле слышно пробормотал он, так и не посмотрев мне в глаза. – Твою мать из дома выгнал её отец, узнав про нашу связь.

– Зачем ты убил Маю? – сказав это слёзы хлынули по моим щекам обжигающем потоком. Я уже не видела его перед собой из-за слез.

Иван поднял голову и посмотрел на меня глазами, полными осознания того, что для него всё уже было окончено.

– Мне сказали убить тебя.

– Но зачем? – вскрикнула я, сама ужаснувшись громкости своего голоса. – Я ведь ничего не сделала.

Мужчина вновь опустил голову. Видимо травма головы и шеи не давала ему сидеть прямо.

– Ты знаешь, как выглядит Роберт, знаешь, где и что они делали. – пояснил мне Марк.

– Они убили всех в общине в ту ночь, когда ты сбежала. – снова прохрипел Иван, сделав глубокий вдох. – Ты нарушила все планы, он ожидал подвоха от кого угодно, только не от тебя. Когда к ночи тебя нигде не смогли найти – пришлось уничтожать труд двадцати пяти лет. Роберт был в ярости. – Хрип достиг предела и Иван откашлялся. По его губам сочилась кровь. – Я просто пытался спасти свою дочь.

Спустя двадцать минут мы уже ехали в дом тёти Майи. Чер-

ные зевы автомобильных туннелей зияли подобно чудовищным пастьям. Чтобы покинуть город, надо пройти испытание мраком. Вдоль бетонной стены, где проходила пешеходная зона, все было покрыто красочными граффити. Мой безучастный взгляд, словно призрак, скользивший вдоль стен, сломленный пережитыми страданиями, был погружен глубоко внутрь моего сознания. Вынырнув из этого мрачного чрева мы оказались в эпицентре белой мглы. Вся окрестность была плотно окутано влажным и непроницаемо белой дымкой тумана. Где-то совсем рядом смутно просматривались очертания какого-то сооружения. С трудом я вспомнила, что слева от дороги брала свое начало плотина с гидроэлектростанцией. По небу вдоль дороги тянулись темные нити, будто провода зловещей динамомашин. По мере того как бежали километры, пейзаж менялся. То тут, то там появлялись домики из красного кирпича, укрытые причудливыми снежными шапками, напоминали кровавые раны, запекшиеся по краям полей. У меня было такое ощущение, что я окунулась в самую колыбель беспросветной тоски и уже больше оттуда не выберусь. Здесь, среди болотистых полей и железнодорожных путей, произрастала лишь безысходность. В полдень мы подъехали к дому. Все вокруг было словно нарисовано унылым художником, какой-то недоделанный пейзаж.

– Хочешь, я сам соберу твои вещи, а ты посидишь здесь? – Марк взял мою руку.

– Нет, я найду. Мне нужно.

Мы вышли из машины и оба направились к входной двери. Точнее к тому, что от нее осталось. В конце коридора пол был усыпан осколками разбитого на кухне стекла. Не торопясь, я вошла в кухню. Окно было закутано в целлофановую пленку, на полу тысячи следов ботинок, и багровая лужа запекшейся крови. Слезы беспощадно хлынули. На ощупь я нашла ведро под раковиной и набрала воды.

– Дай мне. – прошептал Марк, забирая тряпку и резиновые перчатки. – Иди собираться.

Я поднялась наверх и стала собирать немногочисленные пожитки в черную сумку, которую Марк предусмотрительно взял с собой. В нее полетели пара кофт, джинсы и кроссовки, блокнот положила в карман куртки. Косметики у меня не было, Мая не одобряла этого, но разрешила купить блеск для губ и туш. Я зашла в ванную комнату и перед большим зеркалом накрасилась.

– Тебе это не нужно. – голос Марка раздался у меня за спиной внезапно. – Ты очень красивая и без этого всего.

Он сделал несколько шагов вперед и заключил меня в свои объятия.

– Я видел, что блокнот ты начала использовать. Очень красивый рисунок.

– Спасибо. До прошлого вечера вдохновения не было.

Я отстранилась от Марка и посмотрела на него.

– А Кристина уже знает? – Только сейчас я опомнилась,

что не сообщила ей.

– Да. Ей уже позвонили. Она сказала, что приедет завтра. Хочешь с ней встретиться?

– Вряд ли она захочет! – ответила я, пройдя обратно в спальню и застегивая сумку. – Она не была рада моему приезде.

– Мы думаем, что она тоже работала на Роберта.

Я резко обернулась к Марку, стоящему в дверях ванной и облокотившимся плечом на стену.

– Похоже она через знакомых на телевидении переправляла наркотики в ближайшие страны, прикрываясь съемкой выпусков новостей или телепередач. По крайней мере, на её имя уже куплен билет за границу на сегодняшний вечер, хоронить мать она не собирается.

– Вы задержите её? – с ужасом уточнила я.

– Вообще-то её перехватят в аэропорту, когда она пройдет регистрацию на рейс.

– Я все еще не понимаю, во что я ввязалась?

– Не по своей воле ты ввязалась в войну с наркотрафиком. Роберт – один создал настолько крупную сеть, что остальным поставщикам пришлось пододвинуться. Двадцать пять лет он создавал свою империю, а из-за твоего побега пришлось уничтожить крупнейшую плантацию. Иван указал на карте где находится ваше поселение и завтра туда выезжает группа. Мне придется поехать, хочешь со мной?

– Что? – от мысли о возвращении в это адское чрево у

меня сперло дыхание. – Я не хочу туда возвращаться.

– Нам бы не помешало, если бы ты показала что там к чему. Я буду рядом. – заверил меня Марк.

Мы проверили весь дом, заперли окна, отключили электричество и погрузили сумку в машину. Остаток дня можно было отдохнуть.

В вечернем небе возвышались каменные башни приближавшегося города. Я вдруг сообразила, что все моё существование было сплошным враньем. Моё прошлое – сентиментальная выдумка моей матери, мечтавшей о счастливой беззаботной юности. Теперь уже не удивлюсь, если окажется, что она вовсе не умерла, а сбежала, бросив меня на произвол.

Телефон Марка разразился громкой вибрацией.

– Слушаю.

Я услышала грубый мужской голос в трубке, но слов разобрать было невозможно. Взгляд Марка похмурил, ухмылка спала с его манящих губ. Выслушав все, он просто положил молча трубку.

– Мне придется поехать в участок, я заброшу тебя домой, побудешь одна?

– Конечно, не беспокойся.

В очередной раз средством успокоения мне послужила ванная с ароматной пеной. Горячая вода снимала напряжение. Для моего удобства Марк убрал все лишнее из комна-

ты, постирал и высушил все полотенца, купил еще один вафельный халат, тапочки и кое-что необходимое из одежды. На полке у раковины появились крема для всех частей тела и гель для умывания. Вода стала остывать и пришлось покинуть эту утробу.

На кухне тоже появились некоторые новинки: букет альстромерий на обеденном столике, кружка со смешным рисунком очень грустного кота – наверно, он напоминает меня.

Осмотрев холодильник на наличие продуктов, я решила приготовить пасту с макаронами – это блюдо мы любили готовить с Маей. В дверце холодильника я обнаружила не открытую бутылку вина, которая сейчас была бы кстати.

Ближе к ночи я улеглась под одеяло с блокнотом и снова принялась рисовать. Сейчас мне хотелось навсегда сохранить для себя образ тети Майи. Именно такой, какой она была для меня. Добрая и ласковая. Боюсь что через пару дней, когда мне удастся поговорить с Кристиной я узнаю еще много нелицеприятных подробностей об этой женщине. Тут же вспомнила, что завтра мне предстоит дорога в мое маленькое местное отделение ада.

Из легкой дремоты меня выдернул звук открывающейся входной двери.

– Ты почему еще не спишь? – спросил Марк, раздеваясь на ходу. – Залезай под одеяло, я сейчас присоединюсь.

– А поужинать не хочешь? Я приготовила пасту.

Марк удивленно округлил глаза и заулыбался.

– Я перекусил уже, да и устал – с ног валюсь. Давай спать.

Мы вернулись в спальню и снова вжались друг в друга настолько крепко, что дыхание друг друга ощущали на своих лицах.

XXIII

На удивление спалось мне сегодня крепко. Ни странных пугающих снов, ни неприятных неожиданных полуночных звонков. В каком-то веке нам дали побыть наедине. Проснувшись, некоторое время я лежала неподвижно и из под ресниц посматривала на возлюбленного. Его глаза, прикрытые тонкой пеленой розовых век, бегали из стороны в сторону. Я боялась пошевелиться и разбудить его.

Сквозь опущенные жалюзи пробивался маленький пучок лучей солнечного света, которых не было уже несколько дней. Они очень аккуратно, крадущимися перебежками, продвигались по его рукаву вверх. В свете этого бледно желтого столба практически неподвижно зависли несколько пылинок. Я прислушивалась к тишине в коридоре, к звукам лифта где-то на лестнице, к шумам машин далеко внизу под окнами нашей высотки, а повернув взгляд увидела его открытые глаза.

– Доброе утро. – Прошептал он, притянув меня поближе к себе. Я не успела ответить, прежде чем его сладкие, еще онемевшие ото сна губы прикоснулись к моим, а его рука

скользнула в мои спутанные волосы.

– Доброе утро. – Ответила я, прикоснувшись к кончику его носа своим.

– Когда мы встретились в торговом центре, я был очень рад, что ты осталась все той же дикаркой, прекрасной и упрямой, такой, с которой я познакомился в палате госпиталя. Когда я подошел к твоей палате впервые, стоя за дверью наблюдал за тем, как ты мечтаешь о чем-то глядя в окно...

– Наверное, о том, как буду жить в одном из этих высоких домов. – перебила его я.

– Ты выглядела так... – Марк слегка замялся, подбирая нужные слова. – Ты была такой открытой. Такими бывают маленькие дети, до того как узнают, какими жестокими могут быть другие.

– Я была уверена, что люди здесь гораздо добрее, чем в общине. – ответив, я опомнилась, что сегодня придется туда ехать.

– Ты готова все это снова увидеть? Я буду рядом.

– Ты меня точно там не оставишь?

Марк засмеялся громко и звонко.

– Нет, любимая, не отдам тебя никому.

Марк взял телефон с прикроватной тумбы и, включив его, удивился количеству пропущенных вызовов и сообщению.

– Вот черт! – пробормотал он. – Надо ехать в участок.

– Можно мне встретиться с Кристиной? – я села на кровати.

Мужчина замялся, сел на кровать и повернулся ко мне спиной, начав одеваться. После нескольких минут молчания он сказал:

– Если хочешь, пару минут, возможно.

– Вы дали мне встретиться с Иваном без проблем, а с Кристиной что не так?

– Твоя сестра оказалась настоящей акулой наркобизнеса. Она собственными силами поступила в крутейший заграничный университет взяв курсы по Азии и Ближнему Востоку и фармакологии. Твоя сестра настоящий гений, возможно одна такая. В периоды, когда она ездила по обмену, а это случалось раз в год, в новой стране она заводила нужные связи, разрабатывала каналы поставки и искала нужных людей в таможене и полиции, которые ее покрывали за очень большие гонорары. Её отец был скорее у нее на подхвате, чем выполнял хоть какие – то важные функции. Чаще всего он работал физически, выбивал долги, перевозил товар.

– Так это она работала с Робертом?

– У Роберта была налажена сеть и производство внутри страны. Она помогла усовершенствовать производство, повысить производительность, найти каналы сбыта. К тому же, то, что они выдавали под своей религией, стало крупнейшей в стране сектой. Вы работали на полях, а у него есть целые фабрики, где шьют дешевую одежду, детские игрушки, и это не облагается налогами. Мы пока даже не знаем, как она развозит товар по всему миру.

– Интересно, Мая догадывалась, о том, что делали они оба? – призадумалась я.

Марк вздохнул и снова наклонился ко мне за поцелуем.

– Не думай об этом! Пусть она в твоих воспоминаниях останется положительным человеком.

Собрав разыгравшиеся чувства, я отправилась в душ.

В машине было прохладно, как и на улице. На электронном табло на заправке градусник термометра показывал двадцать два градуса мороза. На дороге уже не было праздничного настроения, все стало серое, грязное и покрыто дорожной солью.

Проезжая мимо кафе, мы взяли несколько пакетов еды на вынос. В небольших бумажных свертках томились еще горячие сэндвичи с курицей и помидорами, зажаренные на гриле, картошка фри и пончики с разноцветной глазурью. Небольшой походный термос утром я наполнила вкусным цитрусовым чаем, а на дорогу приготовила пару горячих бутербродов.

Всю дорогу я обдумывала, что сказать Кристине. Что сделало ее настолько равнодушной, даже к убийству собственной матери.

Снова оказавшись в маленькой комнате, за столом, к которому можно наручниками пристегнуть человека, я наблюдала как её, мою старшую сестру, заводят и усаживают ря-

дом. Нам позволили остаться наедине. Выглядела она лучше, чем ее отец в этой же комнате пару дней назад. Ее лицо без макияжа стало гораздо серее, глаза казались маленькими и впавшими глубоко в глазницы, волосы растрепаны и грязные, слипшиеся. Единственное, что выдавало, что ее пытали – то, что она сидела чуть согнувшись и тяжело дышала. Ее знобило, она потела. Она явно крепко сидела на своей продукции.

– Сожалею о твоих родителях – начала я. – Мая хотела, что бы ее кремировали, поэтому...

– Да мне насрать! – перебила меня Кристина. – Можешь просто выбросить ее тело в канаву.

– Почему ты так говоришь? Она же твоя мать!

– Она жалкая. Она прощала все тому, кто ей пользовался. Она не говорила ни слова, когда находила постороннюю женщину в своей постели. Молчала, когда он тратил все на любовниц, а мы сидели дома на одной пачке макарон неделю. Она не сказала ни слова, когда её семнадцатилетняя сестра, обходившая ее как во внешних данных, так и в умственных, залетела от её мужа. Я призираю ее слабость. – По щеке девушки в этот момент лились слёзы, образуя светлые борозды на запыленном лице.

– И ты решила доказать, насколько надо быть сильной женщиной, став преступницей?

– Я бизнесвумен! Вот только в списки Forbs я никогда не попаду. Ведь у нас законно подсаживать людей на алкоголь

и сахар, но незаконен даже мак? Что за чушь?

– Да полная несправедливость. Бедная ты какая, несчастная. Твоя мать хотела, что бы ты росла в полной семье. Что бы твой отец в первый день школы нёс тебя на плече, что бы он учил тебя кататься на велосипеде и уносил тебя, уснувшую на диване в гостиной в твою комнату, что бы у тебя был миллион фотографии, напоминающих об этом. Но благодаря твоему отцу я никогда не буду жить нормально. У меня никогда не будет детских воспоминаний, поездок в парк аттракционов на день рождения. Я никогда не ходила в школу, не заводила друзей. Меня вообще не существует. Твоя мать – единственный достойный член семьи.

Много снега выпало за городом всего за один месяц. Едва город скрылся за горизонтом, бесконечные поля под безоблачным небом заблестели так сильно, что ослепляли. Изредка встречающиеся деревья стояли в невесомых белых шапках, и, от взлетевшей птицы или порыва легкого ветерка, с верхушек срывается вниз снежная пыль. На снегу, как на белом листе, четко прорисовались узоры птичьих следов. Самые разные местные птицы у кормушек дерутся из-за корочки хлеба им нелегко отыскать еду в это время года. Снегири яркими красными грудками сильно выделялись на фоне воробьев и сорок. В темных закутках облысевшего кустарника то и дело показывались волки и лисы, прячась, завидев нас.

Солнце поднялось в зенит и вся дорога стала похожа на

россыпь белых сверкающих алмазов.

Вся эта красота напомнила мне о звездах, которые помогали мне выживать годами, которые были свидетелями наших поцелуев.

В общину направлялись шесть машин. Путь был не близкий.

– Я рада, что покажу тебе мою любимую поляну в лесу, берег реки и свой дом. – решила я прервать молчание.

– Мне интересно все это увидеть. – Марк улыбнулся и приглушил радио. Он посмотрел на меня и игриво подмигнул.

– Расскажи мне о хорошем воспоминании из общины.

Я призадумалась.

– Наверное... Самое любимое – первые теплые дни в конце мая. По – настоящему тёплые. Мы с другими детьми выходили в поле, где все цветы и травы уже цвели в полную силу. Мы ложились в круг, головами друг к другу и просто разговаривали. А когда вода в реке уже прогрелась – мы уходили к скалам и прыгали в заводь. Сердце замирало, дыхание обрывалось. Но тогда мы чувствовали, что живы.

– Очень интересное воспоминание.

– Спасибо. А теперь ты мне расскажи.

– В школьные годы мы жили на юге и наш дом стоял на берегу моря. У родителей была плантация персиков и в начале лета, когда наступали каникулы, мы вешали гамак между деревьями. В полдень, когда было слишком жарко, можно

было отдохнуть там. А ближе к вечеру, мы с друзьями собирались в большую компанию и катались на велосипедах по всему до самой темноты.

– Я бы тоже хотела увидеть это место. Увидеть море, океан и горы. Да вообще все что угодно увидеть.

На некоторое время мы замолчали.

– Какой срок ей светит? – я задала вопрос, который мучает меня уже полдня.

– Скорее всего – пожизненное. Если не пойдет на сделку со следствием.

– Но если она сдаст Роберта – ее отпустят?

– Лет через двадцать.

– Ого! Еще одна загубленная жизнь в одной семье. – про-
бормотала я.

XXIV

Спустя еще несколько часов мне стали казаться знакомыми некоторые места. Похоже мы уже близко. За очередным поворотом в чаще леса показался крайний дом поселения – его мы использовали как сарай для готовой продукции.

Сейчас мне было с чем сравнить и я, наконец-то, поняла, насколько сильная нищета царила в этом месте. Ужас, вечность и безысходность, слившиеся в призрачном вальсе. Теперь дома мне казались жалкими лачугами. Ничтожно жалкий быт был представлен двадцатью посеревшими деревян-

ными постройками, с маленькими окнами. Они вытянулись по обе стороны от узкой дороги, склонили свои крыши, словно переживая за своих жильцов или осуждая виновников их гибели. Мы проехали до самого конца и остановились у порога моего дома.

– Если не хочешь – заходить не обязательно. – заверил меня Марк, взяв за руку.

– Нет! Мне это нужно. Ты пойдешь со мной?

– Конечно. – Он снова одарил меня своей успокаивающей улыбкой.

Выйдя из машины меня пронзил дикий озноб. Не знаю, было ли это от холода, или мандраж от предстоящего столкновения со своим безумным прошлым. Я заставила себя сделать несколько шагов и толкнула входную дверь. Все было как всегда – пустота в обеих комнатах. Не спеша пройдя в дальний конец комнаты, служившей нам спальней, я села на край своей кровати. Она, как и при моем уходе, была на спех заправлена.

Марк прошел в другой конец комнаты и накрыл покрывалом тела двух человек, лежащих в покорной позе на своих постелях. У меня оборвалось дыхание при этом, ведь я, зайдя, их не заметила. Я оцепенела. Тогда Марк вывел меня из дома и отвел обратно к машине.

– Побудь здесь, мы сейчас разберемся с телами. Ты взяла свои наушники? Послушай музыку пока и не смотри.

Я опустила голову на колени и включила музыку погром-

че, пытаясь обратить внимание на свои чувства. С момента появления здесь у меня не наступило чувство сострадания или боли от потери. Мне было скорее стыдно оттого, что я не сожалею о смерти всего этого места. Так всем будет только лучше.

Прошел почти час, а тела все продолжали выносить. Я решила осмотреться и прошла по заснеженному берегу реки. На улице стало холодать, ночь уже подбиралась, показав полумесяц на востоке чуть выше линии леса. Все вокруг было не тронуту, не так как раньше. Снег никто не убирал, крыши домов провалились от его тяжести. Не было ни одной тропинки, подход к месту, где всегда была прорубь, занесло. Все постройки были заколочены, мостик над родником, из которого мы набирали воду, убрали. Парника, в котором мы уже в марте начинали высаживать первые овощи, вообще не было. Напрашивался один вывод – они убили себя сами, осознанно это запланировав.

– Как дела? – Марк подошел ко мне и обнял. Я уткнулась носом в его шарф, пропахший парфюмом и немного потом.

– Когда мы сможем уехать?

В ответ он только вздохнул.

– Я должен тебе кое – что показать.

Он взял меня за руку и повел вдоль всех жилых построек. Я старалась не смотреть, но любопытство брало своё. Из домов в большую черную машину сносили тела, завернутые в черные мешки для трупов. И все-таки мне казалось, что хотя

бы так они нашли покой после всех лет лишений, унижений и голода. Я еще крепче вцепилась в руку Марка.

В другом конце деревни снегоуборочная машина расчистила проход к поляне с сараем. Всё строение уже осмотрели, но, как и все остальное, он был пуст. Внутри, у самой дальней стены, столпилось несколько человек с фонариками. Их нервные обсуждения снова навеяли страх, они оборачивали и поглядывали на нас.

– Тебе чтонибудь говорит это? – Спросил Марк, когда мы подошли. Он указал на стену, куда все пялились. На четырехметровой деревянной поверхности флуоресцентной краской был нарисован какой-то символ – круг с ответвлениями наверху, напоминающими рога Дьявола. В середине него была фотография, прибитая к стене ножом. Её края загнулись, поэтому я не могла увидеть изображения.

– Этого не было здесь раньше, я не знаю что это! – ответила я, еле сдерживая озноб.

Марк переглянулся с другими мужчинами и сказал:

– Это значит, что следующая их цель – ты!

Я подошла ближе, отогнула край и увидела себя на фото. Это было полгода назад. На изображении я сидела в кресле в гостиной Майи.

Часть V

Побег

XXV

Сейчас Марк уже не соблюдал скоростного режима. Мы неслись по междугороднему шоссе в направлении череды скалистых гор, покрытых белыми простынями. Последний населенный пункт мы проехали сорок минут назад, а до следующего и вовсе не доедем без дозаправки. Останавливаться было нельзя. И снова ничего кроме лунного освещения над заснеженными полями не было. Словно мы опять остались одни во всем мире.

Я украдкой поглядывала на профиль Марка. Его лицо выражало напряжение: брови были сведены, образуя складку, губы он покусывал, отчего они стали нежно красного цвета, костяшки пальцев побелели крепко сжимая руль.

– Если бы я не сбежала, они бы были живы?

Этот вопрос выдернул его из раздумий. Он резко выпрямился и несколько раз моргнул, сняв напряжение с усталых глаз.

– Вряд ли. Он бы все равно всех убил и мы бы никогда не узнали о всем, что здесь происходило. Хоть ты спаслась. Это большой плюс. По крайней мере для меня. – Марк широко улыбнулся приоткрыв свои идеальные зубы. Это меня успокоило.

Марк взял мои озябшие руки в свою и крепко сжал. Этот жест заставил улыбнуться меня и засмушаться. В этот момент я себя чувствовала безопаснее, чем когда либо. Большим пальцем левой руки я нащупала продолговатый шрам у

него на внутренней стороне ладони.

– Упал с велосипеда в детстве – сказал он, будто прочитав мои мысли.

По радио играла красивая песня о том, как влюбленный мужчина готов принести луну своей любимой. Температура за бортом тем временем все продолжала понижаться, холод пробрался в машину.

На лишенном указателя дороге мы свернули на проселочную дорогу. За очередным поворотом, среди сугробов и плотной стены елей расположился небольшой отель. Его белые стены, серая крыша и заснеженная веранда почти полностью слились с окружающим пространством. Это был небольшой дом в два этажа, с застекленными лоджиями на первом и втором этаже. Над входной дверью светил теплым бежевым светом уличный фонарь, освещающий высокую лестницу с витыми перилами. Кроме одного окна справа от входной двери во всем доме не было света.

Как только я ступила на промерзшую почву холод земли стал пробираться через подошву. Северный ветер мгновенно проник под куртку до самых костей. Мы поторопились зайти в дом, оставив машину до утра на подъездной дороге.

Тишину во всем доме нарушил только щелчок замка на входной двери. Хозяйка дома напоминала хиппи: ее затуманенные глаза смотрели будто сквозь нас, длинные черные волосы заплетены в легкую косу и перевязаны яркой резинкой.

Она осмотрела нас с ног до головы и приподняла правую нарисованную бровь высоко к линии волос. Нас приняли за молодоженов и дали лучший номер на втором этаже с видом на заснеженное водохранилище. Обстановка была скудной, но уютной. Большая мягкая кровать с высоким матрасом застелена арабским габеленом с изображением ажурного орнамента в красном и белом цвете, в изголовии лежал десяток декоративных подушек, что придавало этому месту вид спальни в гареме. Плотные габардиновые шторы персикового цвета чуть подергивались от порыва теплого воздуха из обогревателей. Стены были выкрашены в цвет сладкой ваты.

– Как будто в пляжный домик барби приехали. – пошутила я, окинув помещение беглым взглядом.

– Это же мечта всех девушек? – Сказал Марк, рассмеявшись беззаботным, немного взволнованным смехом.

– Только тех, кто застрял в двенадцатилетнем возрасте.

– Можем сменить, если не нравится.

– Все хорошо, я шучу просто.

В дверь постучали. Это была хозяйка дома с нашим ужином. Салат из морепродуктов и блинчики с черникой. После таких приключений за день есть совсем не хотелось. В отличие от Марка. Он со звериным аппетитом умял весь ужин даже не жуя.

Приняв горячий душ я залезла под одеяло в белом вафельном халате и теплых носках. Звуки пения из ванной ме-

ня успокаивали, и поднимали настроение. Я пыталась разобрать слова, пока расчесывала волосы, но пока не получалось, хотя мотив был знакомый.

Марк вышел из ванной комнаты, на нем тоже был халат из под которого торчали волосатые ноги. Я засмеялась и отвернулась будто пристыженная девочка.

– Что смешного то? – Спросил он забираясь ко мне под одеяло. – Зима холодная, а мне так теплее. – Его пухлые губы снова растянулись в широкой улыбке, когда он облокотился на подушку и склонился надо мной. Он протянул ко мне руку, провел ладонью по щеке и залез в мои волосы. Мы безотрывно смотрели друг другу в глаза, затем поцеловались.

Он вновь улегся рядом со мной крепко сковав меня в своих объятиях и продолжая осыпать моё лицо, плечи и руки поцелуями. Так мы и быстро уснули, плотно прижавшись друг к другу.

XXVI

Это была первая ночь за очень долгое время когда мне не снилось кошмара. Мне вообще ничего не снилось и это самое лучшее. Утром я почувствовала себя по-настоящему отдохнувшей. Хотя, после того, что было ночью, должно было быть наоборот. Когда сознание после пробуждение ко мне полностью вернулось, я приоткрыла глаза. В комнате было темно, но из плотно занавешенных окон вырывался яркий

солнечный свет. Он преломлялся всеми цветами радуги на безвкусной картине с изображением деревенского пейзажа, весевшей между двух окон.

Позади меня вдруг раздался резкий храп. Следом он тут же прижал меня к себе крепче и уткнулся носом в волосы на моем затылке. Я старалась дышать как можно тише, что бы не будить его еще какое-то время.

– Выспалась? – прошептал он прямо над моим ухом.

– Угу, – промычала я.

– Закажи завтрак, все, что захочешь.

– Даже мороженное?

Он слегка засмеялся и поцеловал мое обнаженное плечо.

– Даже мороженное.

Вылезать из под одеяла было слишком холодно. Пришлось одеть самые теплые махровые штаны, махровый халат и уги с меховым начесом для того, что бы сходить умыться.

В это время принесли завтрак. И, Слава Богу, у них все же было фисташковое мороженное.

– Холодное мороженное с горячими блинчиками? – Усмехнулся Марк. – Да ты извращенка.

Я широко улыбнулась, не ответив на эту остроту, потому что рот уже был занят вкуснейшим завтраком, да и по щекам разлился румянец от этой его остроты.

Марк придвинул стул ко мне поближе и усевшись, стал наглаживать мои волосы.

– Очень жаль, но нам придется подрезать твои волосы и перекрасить их. – с сочувствием сказал он.

– Я точно не против! Знал бы ты как с ними тяжело. Попробуй, как вкусно. – Я протянула Марку большой сочный кусок блина щедро пропитанный мороженым. Подтаявшее мороженное потекло по его губам. Я сорвалась со своего места и вцепилась в его губы. Поцелуй оказался приторно сладким, жарким и холодным одновременно. Он развернул меня и посадил к себе на колени приобняв за талию.

– Останемся пока здесь. – Прошептал он поглаживая кончик моего носа своим. – Мои напарник скажет куда и когда нам ехать.

– Я только за. Мне здесь нравится. – я ухватила еще один сочный кусок и затолкала через силу в рот. Жевать было очень не удобно. Еще больше не удобно когда тебя щекочут во время еды.

Когда с завтраком было покончено Марк поднял меня на руки и отнес на кровать.

– Продолжим? – Проговорил он снимая с меня уги.

Раз уж сегодня выдался выходной я решила не вылезать из постели и посмотреть все глупые дневные шоу по телевизору. Последний раз я включала телевизор днем еще когда лежала в больнице. Марк только что ушел в магазин за ножницами и краской для волос, а по возвращению мне придется расстаться со своей шевелюрой. Мне вовсе не жаль отре-

зять волосы длинной до середины бедра просто потому, что они все еще связывают меня с этим адом в изгнании. А вот менять цвет спелой пшеницы на что то искусственное не хотелось бы. Надеюсь, Марк не выберет кислотный розовый или болотно – зеленый. Цвет волос Марка тоже шикарный. Черные как смоль волосы, такие мягкие и рассыпающиеся по сторонам, когда он проводит по ним рукой.

Фантазии прервала резко открывшаяся дверь. Я даже вздрогнула. Марк вошел широко улыбаясь.

В ванной я подготовила все для стрижки. Разложила ножницы, шампунь и бальзам для волос. Все эти вещи я не видела до приезда в цивилизацию. О шампуне я не слышала никогда прежде, но мне очень понравилось как красиво блесят волосы после него, и как легко их расчесывать после нанесения масок или кондиционеров. Со временем я стала понимать женщин из красивых реклам косметики. Попробуй не полюби ухаживать за собой когда нам предлагают такое разнообразие вкуснопахнущих средств.

Разделив волосы на два пробора я завязала волосы в два хвоста, перехватив их резинкой чуть выше плечь. Одним легким движением я отрезала их не раздумывая. Без сожаления. Будто разорвала связь с прошлым. Затем, по – немногу, я срезала волосы со всей головы и в итоге моя прическа стала похожа на прическу Марка, только чуть длиннее.

– Вау! – Воскликнул он облокотившись о дверной про-

ем. – Как ты быстро все сделала. Помочь покрасить?

– А ты бы смог?

– Запросто! Это же не сложнее чем с племянником рисовать гуашью?

На мою радость краску он выбрал хорошую. Шоколадно-каштановый цвет с небольшим красным отливом. Выглядит аппетитно и не такой уж темный цвет. Этот мужчина хорошо меня знает.

Марк ласково укутал мои плечи в одно из вафельных полотенец. Заодно он залез своим лицом в волосы на моем затылке и сделал глубокий вдох.

– Как же мне нравится это! – прошептал он, поглаживая своим носом мой затылок. – Они стали такие легкие.

Он запустил свои руки в мои волосы и зачесал все их к затылку.

– Ты готова? Доверяешь?

– Кому доверять еще, если не тебе?

Я повернулась лицом к зеркалу и наблюдала за тем как Марк разводит краску. Проблемы начались еще в начале. Полиэтиленовые перчатки из коробки с краской оказались слишком маленькие для его большущих лапищ. Затем, слишком сильно надавив на тюбик он получил брызги от краски в лицо. Позже они проступили как веснушки по левой щеке.

Из соседнего номера стали доноситься звуки включенного телевизора и громкого разговора по телефону. Похоже ко-

мандировочный мужчина отчитывался перед женой что не нанимал проституток на ночь. Что конечно было ложью.

Когда Марк хорошо перемешал краску он обернулся ко мне с широкой улыбкой готовый начать моё перевоплощение. Холодная краска обожгла затылок, а затем и всю голову. Я наблюдала в зеркало за тем, как исчезает мой девичий вид и на этом месте появляется другой человек. Уже не девочка, которая спит в обнимку с плюшевым розовым зайцем. Теперь там проявлялись черты молодой женщины с большими глазами и длинными ресницами, с веснушками, напоминающими брызги знойного летнего солнца, прорисованными будто карандашом четкими ключицами и тонкими плечами и длинной изящной шеей как у красивых балерин, которых я видела в театре.

Спустя пол часа Марк так же заботливо помог помыть мне голову. Шампунем с ароматом зеленого яблока он скурпулезно делал мне массаж головы, отпуская комплименты моим новым локонам. Я же, в свою очередь, не переставала восхищаться, как легко стало обращаться с короткими волосами.

Обернув голову горящим полотенцем, я промокнула им волосы и отбросила его. Теперь я жгучая шатенка.

XXVII

Весь оставшийся день мы оба пролежали под одеялом.

Только ели вкусности и смотрели разные глупости по телевизору. К тому моменту, когда солнце село за скалистый холм на западе линия горизонта на востоке почти полностью погрузилась во мрак. Звезд не было видно за плотным покрывалом кучевых облаков, распростертых как цирковой купол над холмами.

Мы решили немного размяться и прогуляться до местного бара. Главная странность этих мест, которая сразу бросается в глаза любому, кто приезжает сюда, это глубочайшая тишина, несмотря на близость к междугороднему шоссе. Холод улицы просачивался сквозь зимнюю куртку и теплую подошву сапог.

Небольшое одноэтажное здание придорожного бара было полностью погребено под снежной шапкой. Указатель продолжал мигать, окрашивая снег в цвета елочной гирлянды. Ко входу вела узкая тропинка прочищенная лопатой и протоптанная многочисленными ногами посетителей. Несмотря на удаленность от населенного пункта, похоже, дефицита в посетителях здесь не было. На парковке у дороги стояло четыре грузовика и две легковушки. Марк посчитал, что это хорошо, сольемся с толпой и тихо посидим здесь.

Бар оказался очень простым. Барная стойка с барменом-хипстером расположилась справа сразу у входа. Слева вдоль стены были четыре мягкие зоны с уютными красными диванами. Марку показались они безвкусными и развратными, поэтому мы прошли в самый конец бара и устрои-

лись за столиком у окна на два простеньких стула. Заказ нам принесли быстро и я принялась за свой шипящий мартини разведенный спрайтом. Марк едва сдерживал смех смотря как эмоционально реагирую на горьковатую шипящую жидкость.

– Ты такая милая! – Проговорил он, склонившись над столом и поцеловав меня. Его губы отдавали чем-то очень горьким.

Неожиданно для нас обоих в наш стол врезался один из игроков в дартс. Игра проходила в углу как раз позади нашего столика.

– Простите, простите... – проговорил мужчина, едва стоявший на ногах. – Я не специально.

– Все нормально – ответил Марк. – Мы не в обиде.

– О, а я мог тебя где-то видеть? – спросил парень, уставившись на Марка.

– Врят – ли, мы здесь проездом.

– Нет, точно! Ты тот полицейский, в новостях показывали, как вы секту нашли с сотней трупов.

Вдруг меня охватил страх и паника, накатило много неприятных воспоминаний. Марк легким движением головы показал мне на дверь. Я поняла, что надо идти.

– А ты... – продолжил этот любопытный человек. – Ты та наркошлюха из этого притона.

Я в оцепенении стояла прижавшись к стене. Мне было сложно дышать, перед глазами все стало расплываться и зву-

ки голосов и музыки стали приглушаться. Я почувствовала, как плыву вниз по стене, как вдруг увидела, что кулак Марка летит в лицо этого пьяного мужика. Все происходило будто в замедленной съемке, и кровь из его рта вырвалась мгновенно окрасив кулак моего героя в багровый цвет.

Не прошло и пары секунд как на подмогу подбитого игрока пришли его друзья. На Марка налетело четверо человек и посыпался град ударов. Я слышала его тяжелое дыхание при ударах. Взяв его недопитую бутылку я вывела из строя того, кто стоял ближе ко мне. Схватившись за голову он упал на колени и заскулил. Посетители бара не стали равнодушно наблюдать и пришли на помощь, растолкав толпу и мы смогли улизнуть. Мы выехали на шоссе и, найдя поворот к старой мельнице, скрылись за пушистыми сугробами.

Из разбитой губы Марка и разодранного лба и щеки сочилась кровь. В аптечке я нашла вату и перекись. Мои руки дрожали от вида крови и адреналина после драки. Марк резко отдернул голову и издал глубокий гортанный стон когда я попыталась обработать губы.

– Прости, прости... – прошептала я. – Потерпи совсем чуть – чуть.

– Хорошо – ответил он, стараясь не шевелить губами. – Но только если перестанешь плакать.

Он провел пальцами по моей щеке и стер слезы. От этого плакать захотелось только больше и я прижалась губами к его ладони.

– Я не видела раньше как люди дерутся. В общине все всегда избегали проявления любых эмоций.

– Ты такая милая когда плачешь, – прошептал он, склонившись ко мне для поцелуя. – Еще милее когда твой маленький носик морщится.

Я рассмеялась и прикусила губу.

Достав из бардачка аптечку, я потянулась к Марку что бы обработать разбитую губу, но сидели друг от друга мы слишком далеко. Тогда я сняла теплую спортивную куртку и забралась на колени любимого мужчины.

– Так всегда после драки – оправдался он.

Забыв про разбитую губу он крепко вцепился в мои губы, обхватил меня за талию одной рукой и крепко притянул меня к себе. Я запустила свои руки в волосы Марка, прижимая его голову все ближе к себе.

Еще некоторое время просидев в машине мы двинулись вперед по снежным полям. Впереди были горы, над которыми висел месяц, освещающая все вокруг. Снег сверкал как россыпь драгоценных камней. Марк выключил фары и мы продвигались по автомобильной калее наблюдая за этим прекрасным пейзажем.

– Даже представить сложно насколько красиво было в вашей общине ночью. Красивый лес, с вековыми елями укрыты сверкающими снежными шапками, долина укрыта чистейшим покрывалом. Я бы хотел жить в подобном месте. Не в заточении конечно, но на таких первобытных просторах.

– А мне понравилось в городе. Мне нравится близость к другим людям, и что есть куда сходить вечером, если захочется хорошо провести время. Кроме этих первобытных мест. Живописно, конечно, но и это надоедает.

Марк улыбнулся мне своей прекрасной доброй улыбкой.

Машина свернула направо с шоссе сразу как закончилась стена высокого таёжного леса. В тот же миг у нас обоих прервалось дыхание от увиденного. Небо над огромным заснеженным полем заволокло северное сияние. Это нерукотворное чудо природы осветило все небо, опираясь своими мерцающими концами на две противоположные стороны одного горизонта. Укрывая спящую долину и невесомые холмы плотной занавесой радужных переливов.

XXVIII

Вернувшись в гостиницу, мы залезли под одеяло, так как оба очень замерзли. На улице начинало буранить, и ветер завывал среди гор, поднимая к небу легкую бриллиантовую пургу. Месяц начал периодически исчезать за легкими облаками, которые быстро проносились и скрывались за холмами.

Мы лежали в обнимку, доедая вкусное лимонное пирожное и смотря в полглаза какой-то фильм по телевизору.

Периодически Марк погружался в сон, всхрапывал и тут же просыпался. Я, согревшись, лежала на его груди. Нако-

нец, он окончательно решил проснуться и подтянул меня к себе.

– Я давно хочу спросить, – прервал молчание Марк, – что за могилы на поляне за домами в общине?

Перед глазами сразу пронеслось много воспоминаний, нахлынули слезы. Я прокашляла ком в горле и заговорила:

– Это тела новорожденных детей. В общине не принято было растить детей, дети не давали работать в полную силу.

– Они убивали новорожденных? – переспросил Марк, явно пребывая в ужасе от услышанного. Его глаза округлились и расширились.

– Да. Я была самой младшей в общине. Моя мама не знала, что беременна, когда Роберт её туда заманил. Я родилась уже там. В то время людей туда только набирали, поэтому такие отчаянные меры еще не применялись.

Молодым людям не мешало то, что жили они по десять человек в одной комнате, поэтому спустя два – три года встала проблема с рождением детей. Первых детей они увозили и, по их словам, оставляли у порога больницы. Спустя еще пару лет периодически стали появляться какие-то женщины, которые уводили беременных в сарай и дети исчезали. Иногда, случалось так, что женщине получалось донашивать до поздних сроков. Тогда уже кричавшего ребенка, еще не омытого и не показанного матери уносили в лес. Ты знал, что если оставить ребенка на муравейнике, муравьи сожрут его до костей всего за несколько часов?

– Это все происходило у тебя на глазах?

– К восьми годам я помогала при родах и абортах. Все эти могилы я выкопала сама голыми руками. Роберт приказывал детей уносить подальше в лес и отдавать диким животным на съедение. А я не могла так поступить. Мне казалось, что я должна что-то этим детям.

– Господи... Марк закрыл лицо руками и замер. – И у тебя не было никого из близких там?

– Мама умерла слишком рано. Роберт тогда распорядился, что бы за мной кто-нибудь присматривал, думаю он уже тогда меня готовил к свадьбе со своим сыном.

– Что? Каким еще сыном?

– Это кошмарная история. Его сын на пару лет старше меня. Он родился с тяжелыми отклонениями в развитии и по сути напоминал овощ. Постоянно у него текли слюни, его руки, ноги и лицо были искорежены судорогой, но он по – прежнему верил, что сможет создать семью и жить полноценной жизнью как его старший брат и сестра. В тот день, когда они мне сказали, что я обязана стать его женой я убежала. Лучше было умереть в лесу или быть сожранной медведем, чем этот брак.

Марк наклонился ко мне, заключил меня в крепкие объятия и, придавив к кровати, прошептал мне на ухо:

– Я так рад, что ты смогла сбежать! Я так рад! Ты даже не представляешь!

– Я это представляю как никто другой, – ответила я и по-

целовала его.

– Расскажи мне еще что-нибудь. Например, что-нибудь о твоей маме.

Ком снова подступил к горлу, и я всхлипнула, не удержав слезы. Марк вытер их с моих глаз своими губами и сев, усадил меня к себе на колени и обернул меня одеялом. Его руки расположились на моей спине и талии.

– Мама всегда была очень доброй. Она рассказывала мне о жизни за пределами нашего дома, но все это выглядело как сказка. Реалистичнее было слышать от нее про принцесс, живущих в башне в глухом лесу, чем о том, что люди могут жить в многоэтажных домах в городах, похожих на ульи.

У неё были волосы такого же цвета, как и у меня, мы вместе их заплетали по утрам, она учила меня за ними ухаживать и отговаривала когда-либо стричь. Очень стройная фигура, возможно, из-за недоедания, как и у меня. И глаза такие же, как у Майи. Сейчас уже из памяти стерся ее образ, ее запах. Но вот движение ее рук, когда она рисовала, я помню четко. Мама очень красиво рисовала. В ее распоряжении был только простой карандаш, не большие клочки бумаги или какие-нибудь книжки. Когда я была еще совсем маленькая, мы выходили с ней в поле и она за несколько минут могла срисовать сидящую на цветке пчёлку. Ее рисунки были черно – белыми но в них гораздо больше жизни, чем во многих написанных красками.

Когда мне было семь лет, выдалась очень холодная зима.

У мамы появился сильный кашель, поднялась высокая температура. Я лежала рядом с ней ночью и пыталась ее согреть, никак не понимая, почему она такая холодная. Утром пришла одна из женщин и увела меня. Куда дели тело мамы мне так никто и не сказал.

– Это она нарисовала тот дом твоим блокноте?

Я заулыбалась.

– Это ее блокнот. А набросок она сделала за месяц до того, как оказалась в общине. Между мамой и тетей Маей произошла ссора, поэтому маму и выгнали из родительского дома.

– Подожди-ка! – прервал меня Марк. – Месяц она прожила на улице, еще через восемь родилась ты!

До меня дошло, о чем он говорит.

– Может быть Иван вообще и не мой отец, может кто – то другой?

– Это могло бы объяснить, почему он себя так странно вел.

– Возможно, и Кристина это знала, потому то и вела себя так агрессивно. Возможно, Мая не знала? Она единственная относилась ко мне хорошо.

– Может быть знала, но сожалела, что так обошлась с сестрой. Этого мы уже не узнаем.

– Все равно не понимаю, как она могла так долго оставаться с ним. Он столько плохого принес в ее жизнь...

В ту ночь нам обоим снились очень яркие сны. Возможно, все еще влияло северное сияние.

Легкий скрип половицы в коридоре заставил Марка проснуться. Вся комната была залита беспроглядной тьмой, без малейшего проблеска света. Очертания окружающих предметов только спустя время стали прорисовываться. Он сдерживал свое дыхание, что бы отчетливее расслышать происходящее за дверью. Внезапно под дверью мелькнул слабый луч света от карманного фонарика. Марк откинул одеяло и перевернулся ко мне и прижал мой рот рукой. От неожиданного прикосновения я чуть не вскрикнула от испуга, но он крепко прижал меня к себе и жестом показал «Тихо!».

Стараясь не издавать ни звука мы начали одеваться, в то время как на лестнице послышались новые шаги. Марк жестом приказал мне уйти в ванную комнату. Он зашел следом за мной и запер дверь, оставив только небольшую щель, в которую просунул свой пистолет, готовясь отражать атаку.

Раздался легкий щелчок дверного замка, открытого ключом, и в комнате показался первый силуэт незваного гостя. Это был мужчина в куртке армейской раскраски и в черной лыжной маске на лице. Он медленно продвигался вперед, целясь в одеяло, под которое Марк положил подушку.

Два приглушенных хлопка раздалились с небольшим интервалом. Но не успел он опомниться, что там никого нет, как прогремел новый оглушительный выстрел, прорезавший

звнящую тишину январской ночи и яркой вспышкой осветивший всю комнату.

Выстрелив, Марк попал нападавшему прямо в голову. Сгусток чего-то темного и белого разбрызгался по стене за ним. За дверью сразу же послышались чьи-то торопливо удаляющиеся шаги. Значит, нападающих было только двое.

Мы выбрались из укрытия и поспешили выбираться отсюда. Марк снял маску с убитого.

– Ты знаешь его? – спросил он.

– Я видела его в доме тёти, – проговорила я сквозь слезы. – Он был как подручный у дяди Ивана.

Марк обшарил его карманы и нашел телефон. Простая модель, давно вышедшая из оборота раскладушка. В телефонной книжке было забито всего пару безымянных номеров. Мы скинули вещи в нашу сумку и стали двигаться к выходу.

На ковровой дорожке на лестнице четко отпечатанные следы кровавой подошвы направлялись вверх. Сразу у нижней ступеньки разлилась лужа еще горячей смерти из тела хозяйки.

– Не смотри! – сказал Марк, заслонив это зрелище от моих глаз.

Я еще крепче вцепилась в руку Марка. От ужаса ноги становились ватными, слезы мешали разглядеть дорогу под ногами и я с трудом уже сдерживала всхлипы.

В окно сбоку от двери прорвались огни отъезжающей машины. Куда она двинулась дальше мы не успели рассмотреть.

реть.

Марк прощупал пульс на шее убитой хозяйки, но все оказалось бесполезно. Мертва.

Перешагнув через нее он направился к ней в комнату. От того, что я осталась с трупом наедине, мне стало еще страшнее и я вжалась в стену, пытаясь унять дрожь и не упасть в обморок.

Марк вернулся быстро с ключами от гаража, где стояла наша машина.

– Уходим! Не смотри на нее.

Я рыдала в полную силу когда мы вышли и, зачерпнув охапку белых хлопьев, я присела на корточки и прижала снег к лицу. Долгое время лицо не ощущало холода, хотя руки уже окоченели.

– Пойдем, пора убираться отсюда.

– Я... иду... – еле-еле выдавила я из себя.

Когда мы вернулись на главное шоссе, Марк первым делом набрал телефон своего напарника. Он взял трубку после первого же гудка.

– Что случилось? – спокойным, бодрым голосом спросил он. И это в два часа ночи.

– Нас раскрыли.

Наступила немая пауза.

– Чем я могу помочь? Если вы скомпрометировали убежище, новое найти будет затруднительно.

– Мы поедem дальше на север. Сами о себе позаботимся. Свяжусь с тобой позже, с одноразового телефона.

Нажав кнопку отбой Марк задержал взгляд на дисплее телефона.

– Что-то случилось? – спросила я.

Марк помедлил, заблокировал телефон и выбросил его в приоткрытое окно.

– В телефоне того киллера был забит телефон моего парника.

Это прозвучало как гром среди ясного неба. Секта пустила корни настолько глубоко. Кому же теперь верить.

Марк притормозил и на первом же широком участке дороги развернул автомобиль в направлении города. Мы возвращались обратно.

– Что нам теперь делать? – спросила я, едва видя Марка сквозь пелену слез.

Он сохранял молчание, пристально вглядываясь в дорогу. Костяшки его пальцев побелели от напряжения.

– Прости меня, – новый поток слез хлынул из меня с большей силой. – Я столько смерти принесла. Лучше бы осталась в этой общине и ...

– Не говори так! Я люблю тебя. Мы разберемся со всем. Сейчас нам придется вернуться в город. Там будет легче спрятаться.

Мимолетная вспышка света возникла позади нас на долю секунды. Будто где-то неподалеку упала маленькая звезда.

Следом раздался глухой звук бьющегося стекла и она резко вздохнула. Я обернулся к Тея. В глубине сознания, где-то в подкорке я уже понял, что произошло – это был выстрел.

Она сидела уронив голову вперед. Глаза были закрыты, губы разжаты.

– Тея! – закричал я, сам удивившись громкости своего голоса.

– Тея! – снова повторил, но гораздо тише.

Она не отзывалась и уже не отзовется.

Я потянул свою руку к ее румяной заплаканной щеке, совсем забыв про то, что все еще находился за рулем.

Резкий толчок сзади заставил машину развернуться вправо, а затем перевернуться на крышу и так несколько раз.

Один за одним последовали удары об мою голову, но физической боли я не чувствовал. Будто в замедленной съемке я видел, как бездыханное тело моей любимой девушки бьется из стороны в сторону. Ее совсем юное лицо с четким, как контурная карта профилем, с вздернутым курносым носиком осыпалось стеклами разбитого лобового стекла.

Вдруг пришло осознание, что я больше не прикоснусь к ее губам. Не вдохну ее запах. Не почувствую прикосновение ее рук под моей футболкой. Все оборвалось мгновенно. В это мгновение я понадеялся, что и эта авария меня убьет. Что за злые приходи судьбы? Я только встретил ту, кто снилась мне годами, кто мерещилась мне в толпе на улице или

метрo. И как же я могу ее снова потерять, вот так просто. Ее просто выхватили у меня из рук.

После следующего удара я почувствовал, как погружаюсь в небытие. Черное покрывало пропускало отдаленные, приглушенные звуки. Словно чей-то шепот из соседней комнаты, за которым последовали хлопки по щекам. Я не хотел просыпаться, отчаянно пытаюсь остаться там, за горизонтом забвения. Но после следующего удара глаза открылись рефлексорно.

– Слава Богу, брат! Мы думали, что потеряли тебя! – Это говорил один из санитаров скорой помощи. Тот самый, с которым Марк проходил службу в первые годы в армии. – Теперь все будет хорошо, ты только держись.

XXX

Из его груди струилась кровь. Она стекала тонкими струями сочащейся горячей жизни. Его глаза были чуть приоткрыты, зрачки сужены и не реагировали на свет. В яремной впадине на шее скопилась кровь, в которой отчетливо пульсировало угасающее сердцебиение. Левая рука лежала на животе поверх ватно – марлевой повязки. Короткие волосы на голове, которые слегка отрасли и только начали закручиваться, приобрели багровый оттенок и слиплись в кровавые сгустки.

Врач скорой помощи зажимал раны, сдавливая грудь

Марка, одновременно не давая ему терять сознание.

– Не отключайся! – Кричал он, похлопывая Марка по щекам. – Еще немного брат, почти приехали.

Женщина – санитар, совсем недавно пришедшая на службу после медицинской школы, в отличии от своего более опытного коллеги не поддавалась паники. Она методично выполняла все пункты оказания первой помощи: делала уклады и обрабатывала раны.

В то же время предательски запищал кардиомонитор, отображая прямую линию.

– Адреналин, скорее, – закричал мужчина.

– Раз-два-три-четыре-пять-шесть... – шептал он, делая массаж сердца.

Губы Марка слегка подрагивали, выпуская отставки воздуха. Глаза уставились в одну точку и лицо стало выражать полную умиротворенность.

Санитар поднял вверх кулак и со всей силы ударил Марка в грудь, его мертвое тело вернулось, а нить кардиографа так и не шевельнулась. Лужа крови под ним начала проливаться на пол.

Последовал еще один удар и слабый вздох.

– Пульс слабый, давление пятьдесят на двадцать, – констатировала женщина. – Мы приехали.

Карета скорой неслась по предрассветному городу в центральную клинику, где принимали самых тяжелых пациентов. Большого потока машин еще не было, так что скорая

неслась по подмерзшей дороге, не притормаживая на заносах. Впереди подъездная дорога больничного комплекса была подсвечена светодиодными светильниками вдоль тротуара. У парадного входа их уже ожидали врачи, готовые принять тяжелого пациента.

За горизонтом забвения не было боли. За горизонтом забвения только одиночество и темнота. Я, словно, находился посреди теплого, бесконечно удобного океана покоя. Он как нежное махровое одеяло, в которое тебя заворачивают в детстве родители после душа. Блаженное удобство и комфорт. Я бы хотел остаться здесь.

Рук и ног я не чувствовал, казалось, что их как у куклы не было вовсе. Неожиданно всю эту бесконечность вокруг стали подергивать круги пульсирующей ряби, принося чувство дискомфорта и отголосок боли.

Странное, щемящее чувство внутри груди, которой не было, как магнитом потянуло меня куда-то вверх. Темнота начала опадать, становилась серой и менее вязкой, а где – то поблизости тишина стала заполняться фоновым шумом, который вскоре перешел в едва различимые голоса.

Вскоре пришло ощущение, напоминающие покалывания, когда отсидишь ногу, только эти ощущения были во всем теле. Сознание, наконец-то, стало проясняться, и я понял, что должен открыть глаза.

Глаза ослепил яркий свет маленького фонарика. Это был один из врачей, звавший меня по имени.

Мне хотелось вернуться обратно, в блаженное неведение.

С сознанием вернулось и воспоминание, а с воспоминанием пришла и боль. Глаза заволокла пелена слез. Я попытался повернуть голову, хотел отыскать Тею где-то рядом, но ее не было, да и голова была зафиксирована манжетами.

Из его груди вырвался бурлящий кашель, повлекший за собой всплески крови.

– Черт! – Закричал хирург. – Правое лёгкое пробито, помоги перевернуть.

Дикий кашель вперемешку с кровью вырывался изо рта, кровь шла и носом. Обжигающая боль накрыла его новой волной. Глаза закатились вверх, он снова потерял сознание.

Снова придя в себя, мне не хотелось открывать глаза. Размеренный писк медицинских приборов синхронно отмерял вдох и выдох. Я помнил все. Её улыбку, когда она спала, запах ее тела, как розовели ее щеки и носик когда она начинала смеяться. Из груди вырвался громкий выдох и я открыл глаза.

Небольшая палата была слабо освещена солнцем, скрытым за снеговыми тучами. В коридоре было очень тихо, сестринский пост находился совсем рядом, но за ним была только одна медсестра, усердно заполняющая чью-то медкарту.

Голова все еще была зафиксирована манжетам, в носу щипало от кислорода, подаваемого по трубке.

Я нащупал кнопку вызова под правой рукой и попытался нажать, но пальцы с трудом слушались.

– Все, все,. – нежным голосом проговорила вошедшая медсестра. Она была одета в розовую униформу, которая хорошо контрастировала с ее смуглой кожей и смольно-черными волосами, собранными в длинную косу, и от нее исходил нежный аромат лаванды. – Не беспокойтесь, я сейчас позову врача. Вы понимаете, где находитесь.

Я с трудом мог смотреть на нее. Глаз заплыл, а повернуть голову было невозможно.

– Да, я в больнице. – Прохрипел я.

После осмотра и разговора с врачом я узнал, что четыре ребра у меня сломаны, отбиты сердце и легкие, пробит череп, сломана левая рука, а лицо изрезано осколками лобового стекла. Это не считая гематом и ушиба позвоночника.

Сразу за врачом пришел мой капитан из полицейского участка.

Он стоял рядом, положив руку на подлокотник, и долго сохранял молчание, глядя в пол.

– Я знаю, – прервал я молчание первым. – Её нет, мой напарник предатель, Роберт ушел.

– Да, – подтвердил он, прокашляв ком в горле. – Соболезную.

Я попытался проглотить подступивший ком, но вызвал этим очередной приступ удушающего кашля, на что мгновенно подоспела медсестра. Она обновила капельницу и меня снова захлестнула волна сна. Я снова оказался в объятиях любимой.

– Я буду по тебе скучать, любовь моя! – Только и успел сказать я.

Она улыбнулась:

– Не успеешь соскучиться. Скоро мы снова будем вместе.

Сон растаял так же легко, как и пришел, но на своем лице я все еще ощущал прикосновение ее мягких волос, ниспадающих на меня, когда мы целовались, чувствовал аромат ванили и корицы от ее тела. Я не стал сдерживать слезы.

Почему это произошло с нами? Совсем недавно я считал, что человека с моим прошлым невозможно полюбить, но она это сделала. Совсем недавно она была невероятно одинока и лишена всего на этом свете, но я мог дать ей все, что бы она была счастлива. Теперь мне и вправду нечего терять. Теперь придется вспомнить прошлое и отомстить так, как меня учили. А после, мы обязательно снова будем вместе.

Объятия сна в этот раз поглотили меня на несколько дней, принеся облегчение уставшему телу, но не разуму. В этот раз я не видел снов, и это было к лучшему.

Я резко открыл глаза и попытался сесть, но резкая боль в правой руке меня притормозила. Эту боль причинила сдви-

нувшаяся игла капельницы. Я осмотрелся, но не сразу понял где нахожусь – мозг пока еще с трудом выходил из тумана.

В окно с опущенными жалюзи пробивались лучи солнца, которое уже клонилось к закату.

Глаза скользнули по предметам в палате и я увидел сотовый телефон Теи на столе. До крови сжав кулаки так, что ногти впились в ладони, окрапив их алой росой, я снова попытался сесть, но и сейчас резкая боль снова пронзила тело на сей раз исходя из груди. Я слегка дотронулся до груди и почувствовал гематому.

Дверь палаты распахнулась и вошла медсестра.

– Как хорошо, что вы очнулись, – сказала она голосом нежным и робким, не соответствующим ее возрасту и комплекции.

А точно хорошо?

Очень быстро пришел врач. С порога я застал его вопросом:

– Где она?

– В морге, – ответил он. – Мы ждали когда вы очнетесь.

XXXI

Санитар, очень высокий, широкоплечий и, похоже, обожающий качалку, катил меня в инвалидном кресле на цокольный этаж в морг. Идти самому было очень болезненно из-за ушиба правого колена, и еще каждый шаг отдавался

режущей болью в груди.

Этот бравый медицинский работник провозил меня мимо других палат с тяжелыми пациентами. Люди в них явно страдали, томились, призывая смерть как облегчение.

Колесики кресла поскрипывали, противно и звонко в пустом коридоре. С потолка разливался бежевый цвет, не удобный для глаз. Воздух здесь, в отличии от проплаченных палат, не фильтровался кондиционерами и был пропитан запахом лекарств, боли и смерти.

Мне хотелось затормозить ход времени, продлить дорогу по коридору. Я боялся увидеть Тею. Ком уже подступил к горлу. Как назло этот санитар шагал слишком быстро.

Отсутствие капельницы с лекарствами и обезболивающим дают о себе знать. Из живота уже начинает прорываться импульс боли, словно осьминог своими щупальцами обхватил меня, сдавив все мое нутро, не давая дышать.

Я закрыл глаза, стараясь выровнять дыхание. Само собой пришло воспоминание. Мы у меня дома, просто валяемся на кровати. Мы не одеты и только немного прикрыты легким покрывалом, сквозь которое просвечивает ее изящное тело. Её чётко вычерченные ключицы плавно переходили в округлые, хрупкие плечи, тонкие руки, и красивые длинные пальчики.

По ее нежной, аристократически бледной коже скользит солнечный свет. Она протягивает свою руку ко мне и проводит пальцами по груди...

Двери лифта открылись. Неосознанно я издал стон боли.

– Я могу сделать укол обезболивающего, – сказал санитар.

– Нет, – едва восстановив дыхание ответил я. – Пусть лучше будет больно.

Выйдя из лифта я сразу ощутил холод подземного этажа. Все вокруг выложено белой плиткой, стыки между плитками уже почернели и кое-где отвалились края. Впереди, в конце длинного коридора, под светом мигающих светильников находились большие стальные двери морга. Даже не притормозив, санитар втолкнул меня в морг.

Сразу ослепил свет от прожектора над секционным столом. Когда получилось проморгаться и привыкнуть я увидел очень неприятное пространство морга. Справа вдоль стены тянулись холодильные камеры, всего их двенадцать и все заняты.

– Я оставлю вас, – сказал санитар, подвезя меня к столу с телом, накрытым белой простыней. – Когда будете готовы, позвоните мне.

Какое-то время я сидел неподвижно, глядя на ее силуэт под простыней. Ее маленький аккуратный носик проступал сквозь покрывало, так же как и ее плечи, тазовые кости и колени. Сейчас она казалась еще хуже, еще больше пораженная анорексией.

Я протянул руку к ее голове и потянул простынь вниз с лица, но почти сразу же замер. Слезы застилали глаза, и из груди вырвался стон. Взяв себя в руки я откину простынь.

Ее лицо было порезано мелкими осколками от лобового стекла, правая бровь рассечена, видимо, от удара об дверцу, когда машина понеслась кубарем.

Я прислонился лбом к ее плечу и губами к руке. Правой рукой, на которой не было гипса, я поглаживал ее короткие волосы. Они были все такие же мягкие. Время замерло.

– Прости меня, – прошептал я, касаясь своим носом ее уха. – Это я виноват, я не уберег тебя. Не разглядел предателя так близко. Он за все ответит.

Я продолжал поглаживать ее голову и нащупал там гематому. В последний раз я провел пальцами по ее пухлым губам и накинул простыню обратно на голову. Из пакета, висящего на ручке инвалидного кресла, я достал плюшевого медведя и платье из розового шелка. Его по моей просьбе купила моя подруга. Она не стала задавать лишних вопросов и просто исполнила просьбу. Две белые розы принес санитар. Все это не используют при кремации, но мне пошли на встречу и ее сожгут вместе с этими вещами. Для вечного покоя я подобрал для нее урну в фиолетовых разводах и с узором из черного венка.

Работники морга быстро погрузили тело в печь и прибавили жару. Раздался гул печи и всю комнату озарил оранжевый свет. Я смотрел на дверцу печи. С ее телом догорало последнее хорошее, что было в моей жизни.

Я не отрываясь смотрел на сестринский пост. В конце

каждого рабочего дня весь медицинский персонал собирался у него. Они сдавали свои записи, отчитывались за потраченные шприцы и препараты и прощались до следующей смены. В коридорах, где только проводится только дневной прием, дежурная медсестра выключает свет и открывает окна на проветривание. Входную дверь блокирует охранник, и он же через тридцать минут пойдет в обход. У меня будет почти двадцать минут, что бы выскользнуть через дверь рядом с моргом, которую не запирают, что бы было куда сходить покурить.

Шагнув на улицу я сразу почувствовал забористый мороз. С севера дул холодный ветер вперемешку с изморозью. На небе не было облаков и над крышей больницы как раз сейчас поднимался убывающий месяц.

Я надвинул капюшон поближе на глаза и вжался поглубже в куртку. Обезболивающие таблетки хорошо действовали в сочетании с холодом.

Быстрым шагом я добрался до метро. Мне необходимо было добраться до противоположного конца города, а там совсем недолго до пригорода и моего небольшого дома, который остался от родителей. Мой арсенал поможет мне отомстить, и кажется, пора поднять старые связи, которых я не хотел больше касаться. Много границ пришлось перейти, пока я служил в армии, а сейчас эти границы совсем стерлись для меня. Придется достать новые документы. Придется снов вскрыть пару глоток, замучить пару наркоторговцев.

Но я доберусь до Роберта и уничтожу всю его империю. Мне нечего терять.

XXXII

Пешком пришлось преодолеть около трех километров. Пока я шел по неширокой проселочной дороге через густой лес, было время обдумать план действий. Мысли притуплялись накатывающими волнами боли. Надеюсь, лекарства, оставшиеся после смерти родителей, еще не потеряли своей эффективности. Наверное, самое время сказать «спасибо» убившему их так быстро раку. Они не успели потратить даже первую партию рецептурных лекарств.

Сквозь поредевшую стену деревьев проглядывался свет от придомовых фонариков. Они скученными лучами освещали скромные входные двери. Большинство из домиков были по крышу завалины свежим снегом, от ворот до входной двери вела только не большая тропинка, вытоптанная среди белых холмиков.

Пробравшись к своему дому я продрог до самых костей. Прихватив дрова с веранды я растопил печь и достал старые одеяла и раскладушку. В ящике под замком я нашел четыре таблетки фентанила и семь таблеток морфина. Я выпил по одной каждого из них и запил крепким кофе, заваренным из пакетика. Сон накрыл меня мгновенно. В нем, хотя бы сегодня, я нашел облегчение.

Она коснулась моей заросшей щетиной щеки внешней стороной своих тонких пальчиков. Ее длинные волосы цвета золотой пшеницы ниспадали на мою грудь, она слегка дотронувшись своими мягкими губами моего носа она склонилась к моему уху и прошептала:

– Пора просыпаться, ты нужен мне.

Я вздрогнул и, проснувшись, сел на своей импровизированной кровати. В зашторенное мамиными занавесками с узором из мелких ромашек окно уже пробивалось солнце. На часах на кухне было почти десять часов утра. Таблетки работали на полную, поэтому все тело казалось немного ватным. Я откинул одеяло и встал. Мороз пробрался мне под кожу. Подложив новую партию дров в печь я вновь ее разжог, вскипятил чайник на ней же и уселся на кресло у окна. Когда остатки сна улетучились я позвонил одному знакомому. В узких кругах его называли Коди. Он поставлял оружие, которое закупал у военных, общаясь с покупателями и продавцами системой своих кодов. Хорошо, что за долго до этих дней я спрятал несколько одноразовых телефонов в кладовке, среди садовых инструментов моего отца. Я отправил с одного из них сообщение: «Птица в клетке. Красный угол 1700». Это означало, что мне нужно его оружие, встреча состоится на углу у социального центра на окраине города ровно в 17.00. Курьер доставит только обоймы, сами пушки давно ждут своего часа в подвале.

Я убрал стакан в мойку и замер на секунду осознав, что

эта кружка и эта ложка останется здесь на вечно. Сюда мне уже не вернуться.

В течении дня я вынес вещи из дома и оставил его совсем пустым. Написав записку соседу, я разрешил ему забрать все вещи и бросив записку в почтовый ящик, просто уехал. Никогда этот маленький дом не вызывал у меня положительных эмоции. Я был счастлив разорвать связь с этим местом. Хотя прежде, мне хотелось, что бы Тея тоже побывала здесь. Возможно, что бы мы поселились здесь вдвоем.

Найдя через интернет самую непримечательную машину, я купил ее за наличные, никак не светив свою фамилию. Я узнал, через того же торгаша, что под мостом, позади торгового центра, точка сбыта закреплена за картелем Роберта.

Я дождался, когда солнце склонится за горизонт и включатся фонари. Их свет, здесь, в самом нелюдном месте в городе, был почти не заметным. Лица были почти не различимы, значит можно не волноваться о видеокамерах.

Подъехав к дилеру, я опустил окно и пригласил его сесть в машину, показав пухлую пачку денег. Этот парень даже не задумался, открыл дверь и плюхнулся своей костлявой задницей рядом со мной.

– Чем тебя порадовать? – Еще совсем детским голосом спросил парень. У него на лице было подобие бороды. Из-за юного возраста это выглядело глупо.

– Передашь послание Роберту, – сказал я. Парень метнул-

ся к двери, но я присек его движение сделав укол барбитуровой кислоты в его шею и он уснул почти мгновенно.

Я съехал с дороги и спустился вниз. Парень был действительно очень мелким и хрупким, поэтому вытащить его из машины не составило труда. Я оттащил его в сторону и разрезал одежду, оголив грудь. Парень лежал неподвижно, снотворное замедлило его пульс и дыхание до состояния коматозника. Своим армейским ножом на его груди я вырезал знак, который мы нашли на стене сарая в общине и добавил к нему записку: «Найди меня или я найду тебя первым». Пришлось постараться, но все получилось. Я бросил парня там же и теперь осталось только ждать.

Сев в машину я увидел свои глаза в зеркало заднего вида. Они выражали спокойствие и решимость. Брови сдвинулись, образовав складку, вокруг глаз образовались складки от напряжения. Я завел машину и двинулся на противоположный конец города.

Под большой неоновой вывеской продуктового магазина «24 часа» переминались с ноги на ногу парочка замерзших караульных. Эта парочка смотрела внимательно не появляться ли поблизости полиция или кто покруче. Вход в одно из подпольных заведений картеля находился в конце магазинчика, за двумя холодильниками с молочкой. В этом месте раз в неделю собирались самые верхушки картеля и решали

текущие вопросы. По окончанию таких планерок они играли в покер с крупными ставками или вызывали свежих девочек из своих борделей.

Со стороны двора тоже был вход, но его охранял вооруженный человек. Я, наверняка, засвечусь на камерах, но подмога находится в соседнем доме и это даст мне фору в несколько минут, большего и не надо. Снимаю капюшон и захожу. На улице термометр показывает минус двадцать градусов, но холода я не ощущаю из-за адреналина.

В небольшом помещении, среди полок с не самым лучшим товаром, толпилось всего четыре человека. Я достал пистолет и выстрелил в лицо кассиру. Кровь и мозги резко разлетелись по стене позади него. Мужчина дернулся и упал на пол за стойкой. Из угла вывернул вооруженный охранник, но применить оружие он не успел, его голова так же откинулась назад и окрасилась в багровый цвет. Три оставшихся посетителя разбежались. Они вызовут полицию, именно так я и хочу.

Я направился к коричневой двери с наклейкой – смайликом в правом верхнем углу. Никто не остановил меня и, заперев за собой дверь, я оказался в темном коридоре, в конце которого через дверь просачивался яркий свет.

Я положил руку на ручку и открыл дверь. В комнате примерно пять на пять метров стоял круглый стол, за которым собрались пять человек. Они не обернулись ко мне и не отреагировали на моё появление.

– Ставки сделаны? – спросил я.

– Ты ни туда забрел, парень, – очень спокойно, даже не подняв головы ответил один из сидящих. – На кого ты...

Он не успел договорить как его голова разлетелась на куски, окрасив всех сидящих за столом алой росой.

– Ах ты, ублюдок... – завопил другой но тут же затих, лишившись правого глаза.

Еще три выстрела быстро поразили цели и наступила полная тишина.

Единственный охранник у задней двери напрасно слушал музыку в наушниках. Он даже не заметил, как я подошел.

Пройдя несколько кварталов до моей машины я успел осмотреться. По главной улице неслись несколько больших черных джипов с затемненными окнами. Даже представить не могу как много в них цепных псов, слепо повинующихся приказам.

Спустя несколько минут я уже был далеко отсюда. Проезжая мимо торгового центра, где мы с Теей встретились перед рождеством, я снова ощутил как же мне ее не хватает. Сейчас бы прижать ее к себе, такую родную и ласковую. Почувствовать на себе ее дыхание и услышать её редкий смех. Она не часто позволяла себе смеяться, оттого эти редкие мгновения казались особенными.

– Мне так тебя не хватает! – Сказал я поднимающемуся над берегом месяцу. – Еще немного, дорогая моя, и я приду к тебе. – В этот момент я четко увидел как она улыбается

сидя позади меня.

В промышленном районе города, где после окончания рабочего дня гаснут уличные фонари, одно здание остается ярко освещенным. Двухэтажное здание из красного кирпича, подсвеченное красными уличными фонарями, возведенное на месте старых общественных бань, выделялось на фоне заброшенных фабрик с выбитыми окнами. Элитный публичный дом, собирающие перед выходными самых главных шишек города, принимающий самых дорогих посетителей.

Я прошел к парковке на другой стороне дороги. Три из четырех джипов, припаркованные там, были на сигнализации, но в четвертой сидел водитель. Он смотрел какое-то видео в телефоне и не обратил внимание, когда я подошел. Я рывком открыл дверь и сделал только один выстрел в левый бок. Мужчина не успел отреагировать.

Я завел машину, проехал чуть дальше по дороге, развернулся и на скорости восемьдесят километров влетел в гостиную борделя, успев выпрыгнуть на газон перед домом.

Когда поднялась тревога и забегали постояльцы, я вошел через парадную дверь и разнес ресепшн и диван в гостиной выстрелом из ружья. Охранник, тут же возникший из – за стойки, где он уединился с одной из работниц, получил полю в грудь, не успев даже натянуть штаны.

Я протянул пропитанную бензином веревку к баллону с пропаном, поджег конец и выбежал на улицу. Взрыв догнал

меня уже на парковке и поднял на пару метров над землей, бросив на газон. От богадельни ни осталось и щепки, как и от ее посетителей.

XXXIII

Я вернулся в самый центр города. В одной из центральных новостроек расположилась двухэтажная квартира принадлежащая Роберту. Самая современная система охраны и видеонаблюдения на каждом сантиметре этого семиэтажного здания, делало из него неприступную крепость. Но есть люди, которые вполне способны обойти и их. Сейчас на черном рынке можно купить все что угодно. Один парень разработал устройство, которое подавляет сигналы даже экранированных систем слежения, создавая петлю из последних пяти секунд. Итак, зайти труда не составило.

Из дальнего конца коридора слышались шаги охранника. Я скрылся за ресепшеном и снял цель, как только он показался из-за угла. Далее, проследовав в противоположный конец коридора, поднялся по лестнице вверх. Через окно двери на седьмом этаже я видео как по этажам прохаживался охранник. Никакой особой паники у него не было, может быть он еще не знал, что произошло?

Просунув пистолет в приоткрытую дверь, я прицелился и выстрелил. С глухим стуком он упал на красную ковровую дорожку. Пройдя по коридору к единственной квартире на

этаже, я уже потянулся к двери, что бы открыть ее, когда правое плечо пронзила резкая боль. Пуля прошла на вылет и впилась в стену, окрасив белую стену в красными брызгами. Я метнулся за угол, сопровождаемый градом выстрелов.

Плечо горело, струя крови обжигала плечо. Я сидел на полу, зажимая рану, и видел свое отражение в панорамном окне напротив. В этом же отражении рядом со мной сидела Тея, протягивая руку ко мне.

– Я уже иду, детка.

Я расстегнул куртку, достал детонатор и нажал кнопку пуска. В тот же миг из-за угла вывернул один из охранников, направляя на меня свое оружие.

– Если разожму детонатор – всем конец, – прокричал я, поднимаясь на ноги.

Они напряженно сопровождали меня взглядом, пока я продвигался к двери в квартиру.

– Открывайте.

– Ты сдурел, парень? – проговорил ближайший ко мне из охранников, которых здесь уже был десяток.

– Вы можете уйти, мне нужен только он.

– Ты не войдешь. Дверь заперта и ключа у нас нет.

– У меня есть, – я достал из кармана универсальную ключ-карту и отсканировал ее у детектора. Все, стоящие рядом, были озадачены. – Я взорву всех, кто сюда зайдет.

В квартире стоял мрак и тишина. Казалось, что людей

здесь нет, но я точно знал, что Роберт, его жена и двое сыновей здесь.

Проходя по длинному коридору я заглядывал в каждую комнату. Роберт не отказывал себе в комфорте. Дорогая мебель, шкуры медведей у камина.

Дойдя до кухни я обнаружил там трясущуюся от страха женщину. Кажется, они даже подумать не захотели о своей экономке.

– Где они?

Женщина молча указала на конец коридора. Я жестом указал ей на дверь.

Стараясь ступать тихо, как кошка, я направился к двери.

Остановившись в метре от крайней двери в коридоре, я прислушался. Полная тишина звенела в ушах. Но неожиданно, под дверью промелькнула тень.

Я собрался с силами и открыл дверь, спрятавшись за косяком, на всякий случай. Как ни странно, выстрела не последовало. Я заглянул в комнату.

– Пожалуйста, отпусти их, – взмолился мужчина, в котором я с трудом узнал главу крупного наркокартеля. – Они ничего не сделали.

– А что тебе сделала Тея? – едва сдерживая слезы, спросил я. – Она просто хотела жить. Она выбралась с трудом, столько всего перенесла, что бы просто умереть от случайной пули?

Мужчина сложил руки в молитве и разрыдался с большей

силой.

Женщина у него за спиной сидела в такой же позе и молилась, раскачиваясь вперед-назад.

Их сыновья пятнадцати и тринадцати лет с ненавистью и жаждой крови смотрели на мою руку, в которой я держал детонатор.

Позади меня в коридоре раздался топот армейских ботинок и щелчок затвора автомата и пистолета.

Я отпустил кнопку и закрыл глаза.

– Иди ко мне, малышка, – снова обратился я к Тее. У меня на поясе раздался писк приемника и прогремел взрыв, снесший два верхних этажа здания и обвалив восточную стену.

– Проснись, любимый! – Прошептала она мне на ухо. – Пора вставать, засоня, я соскучилась.

Я смотрел на нее не отрываясь. Протянув руку к ее щеке я дотронулся до румянца и, запустив руку во вновь длинные волосы, поцеловал ее так крепко, как не целовал еще никогда.